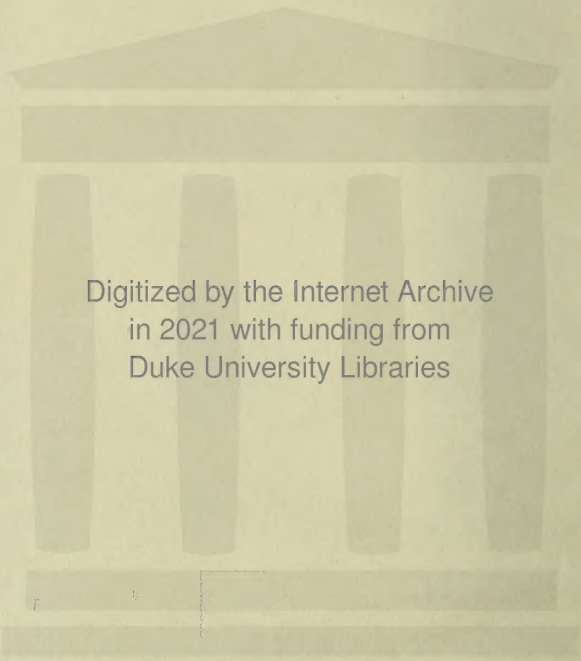
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/likchelovecheski01gipp

ВЛАДИМИР ГИППИУС

ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ЭПОХА

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ЭПОХА

Отпечатано
в типографии
Зинабург и Ко.
в сентябре 1922
Берлин

Lik chelovecheskii

ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ПОЭМА

РОССИИ
ПОСВЯТИЛ
ВЛАДИМИР
ГИППИУС

в лето тысяча
девятьсот двадцать
второе

Bac
Г6-41
Gippius, V.V.

ЭПОХА
ПЕТЕРБУРГ ★ БЕРЛИН

1922

7

ПУТНИК ЗАПОЗДАЛЫЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

О чем ты воешь, ветр ночной,
О чем так сетуешь безумно?..
Тютчев.

То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Пушкин.

1

«Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок...»
За полвеком гражданственной досады
Крушил нас леший несказанных тем,
Но, декадентский одолев припадок, —
Спроста в классический — сдались мы плен. —

2

И символизм сегодня — не у дел, —
А уж каких ни загинал загадок!
На революции наш век был падок, —
Да эволюция куда сильна... Затем,
Что есть — увы! во всех вещах — порядок,
В историях —закономерность смен...

3

А нам — то Дионисово — лучилось, —
Чуть ли не-под-ноги! плесканье недр, —
Ревмя ревели: бездна, значит, билась, —
Ярился хаос, булькая средь стен...
И всё, как надо, — так и приключилось:
Понили мы бесам мелким — на исцел!

4

Каких же нас — эпических поэм
Несосветимые — воздымут — крылья?
Тамбник девий, бездною блазнимый, —
Виргилием хранимый — восходил...
Или попарить, рыща меж могил, —
Избывных былей — стилей неизбывных?..

5

Но, если ты родился — не таков,
Но, если — вышел ты исхитить душу,
Но если, — свыше схваченный, нарушил
Уставный лад испытанных стихов —
Условный лопот петербургских слов?...
Я буду петь! — А не-любо, — не слушай...

6

Зачтут ли мне эпическое пенье,
Иль оболгут — лирическим гудком, —
Претензией ли, — праздным измышленьем, —
Еще любезней: недоразуменьем? —
Сомнений нет: крепки людские стены, —
Не прошибёшь ни песнями, ни лбом!

7

Кому же лью — эпическое пенье,
Кому гужу — лирическим гудком?
Я ль закоснел? Коснеет ли каменье?
По невским берегам — непримиренник —
Бесов ли пленник, — девий ли моленник, —
Толкаюсь попусту из дому въ дом?

8

Так, — попросту: заядлый декадент,
Пьянино старомодного наследник, —
Гремит симфонии на-зло соседям, —
Иль, — гимназист умом — душой студент, —
Провинциал! по идеалам бредит, —
На балалайке трепкая с безделья?...

9

Внимай! я притчею назвал свой сон, —
Невучий стон и — все-таки поэму, —
Кому пою? О, не людскому племю, —
Но — страстности перед последним днем, —
О я уверен: мой предсмертный звон —
До будущихъ достигнет поколений!

10

Вам, дети революции, печаль
Моя — неутолимая, живая!
Для вас светла сгорающая даль —
Предчаяньем нечаянпаго рая:
Вы впидите в него, неумолкая...
Не умолкай, печаль, не умолкай!

11

Моя печаль светила на холмах,
Как отсвет — той зари, — неугасимой:
Поля дремали в сумраках счастливых,
Но — яр дрожал пожар на высотах, —
Но — сны метались в думах и сердцах, —
Сны человеческие — были живы!

12

Моя печаль была великим днём,
Мне снившимся сквозь мглу тысячелетий, —
Огонь — огню!... Она — перед огнём
Светила — вам, иных сияний дети, —
Не утомлений... Да, великолепий:
Лучей томление — перед Судом!

13

Судите нас молчавших и желавших, —
Отриньте скорбь — и вот — примите нас, —
В отчаяньи, не зная, — призывавших —
Ваш буйственный и невозможный час:
Огонь зари в долинах не погасший, —
Он в ваших солнцах — грозах — не погас!

14

Воистину, воистину — живая
Слетала, как предчаянье, печаль, —
На крыльях рая — птица золотая, —
Но утро было — мёртвое, — как сталь:
Знай, ныне — день встаёт, не умолкая, —
И ты, крылатая, — не умолкай!

15

Мне снился сон... Но — явный, — явно зримый,
Он тёмен был, но светом — тьма жива, —
Действительность цвела неодолимо, —
И пела грусть — певучие слова:
Есть звучность! Звучность ли была мертва?
Мне снился сон, звучавший — буйной силой...

16

Крик бытия! внимай: жизнь или сон? —
Я спрашивал с ребяческой тревогой, —
И книги мудрости — в печали строгой,
И пчёлы книжные со всех сторон, —
Шептали: сон, — и колокольный звон
Напоминал, что сон живых — не долог. —

17

В почах младенческих огнём томимый,
Глазами яркими я видел тьму, —
Кишмя кишели огненные силы —
Огню — вовнутрь — навстречу моему:
Огонь в крови, — во тьме!.. Я не пойму, —
Я не пойму, что значит — мрак могильный!

18

Ночь не темна, действительность ясна;
Ночь видит день; день — утро снов Господних...
Жизнь или сон?.. Вселенская весна —
Уже светла: всё, всё, что есть сегодня, —
Всё будет вновь, — безмерней, превосходней...
Жизнь или сон? — Намъ радость суждена!

19

Есть человеческий соблазн: усталость...
Я сумерек вечерних не любил —
И лампу зажигал, едва смеркалось, —
Как будто — Бог зажечь ее забыл...
Я жить бежал, — я страстно быть спешил, —
И всё мгновенное — мечтой казалось...

20

Я родился — в мерцаниях огня, —
В четверг, — в грозу — под блеск июльских молний, —
В год високосный. Родина моя —
Москва. В лесу — на даче подмосковной...
Быть может, — всё случайность бытия, —
Быть может, — знак — необычайный, — кровный?

21

Мне чудилось — влияние веков, —
Во всём случавшемся — предуказанье:
И то, что родом я из тех краёв,
Где грозовым означен грохотаньем —
Мой день ночной, — моих очарований, —
В веках, в веках! завещанных мне снов...

22

Обманчивых упрёков не хочу:
Науку чту, но, — глубже знанья — мудрость, —
Да! вечера — действительнее утра...
Я отдаюсь поющему лучу —
Надежде синеокой, златокудрой, —
Вот день встает, — и я в огонь — лечу!

23

Завещанность мне чуялась во всём...
Я родом из чужой страны. Потомок
Старинных немцев — вековых потёмок:
Сражался ли мой прадед под крестом —
За гроб Господень или — грабежом
Был на-море разгульном — дик и громок?

24

Что значат крылья конские в гербе?
Или стихами он раздолье славил?
Не имя шумное вручил судьбе, —
Лишь герб с двумя волшебными конями...
Волшебник — чур, тебе ли я не равен
Моими — неуёмными — стихами?

25

Иль — вымышлен в отечестве Эразма,
В Голландии — зимой, у камелька —
Лишь талисман, — чтоб не коснулась язва,
Чтобы не тронула души тоска?..
В преданиях Van Hinkst — знаток геральдий, —
И выдавал себя — за знатока. —

26

Но — послушник покорный Возрожденья —
Он имя перевел, как Меланхтон,
С отличным переводческим уменьем, —
И Гиппиусом стал в веках за то,
Что — свист латинский в эллинское пенье, —
Втянул с немецкой полуглухотой!

27

Предания гостиной или детской?
Кто говорил, что будто — первый лук,
России новый подданный и друг,
В Москве был явлен Гиппиусом — шведским
Царю Тишайшему, и ожил вдруг —
Товаром ходким — старый Мост Кузнецкий.

28

А кто болтал — и проще, и скромней:
Приплыв из Мекленбурга, села в Риге
Семейной нужды ради — без затей
Одна из семей в дни Екатерины...
И то, и это мило. — Что верней?
Я не справлялся в родословной книге.

29

Не знаю даже, есть она иль нет, —
Дворянской спеси мой отец не ведал
И — спорам геральдическим в ответ —
Настаивал на варианте деда, —
Что — Посейдон был Гиппиусов предок, —
Копя крылатаго — отец иль дед?

30

Не связанный с заветной стариною,
Отец роднёй почти пренебрегал:
Он из-дому мальчишкой убежал
От деда — деспота, — и голодал...
А — с доброю, — немецкою — душою
Он познакомился — в немецкой школе...

31

Всем обликом, и бытом и умом —
Как европеец, он скучал в России,
Но, времени подхваченный крылом, —
Студент московский, русский разночинец,
Чиновником российским стал потом, —
И страстно — русской отдался стихии.

32

Смеялся сам, что есть в его крови
Все крови мира, кроме русской крови, —
Женился (по расчету-ль? по любви?)
Случайно ли? на немке чистокровной...
Но годы, годы... Все страстней и кровней —
В Россию верил, — «странною — любовью!»

33

Я не смущу страдальческий твой лик,
Сияющий отныне в яви Божьей,
Здесь отстоявший — в наших днях безбожных;
Ты был поэт — прими мой стих неложный, —
Благослови! Ещё я не отвык —
От трепетанья рук твоих тревожных...

34

Хотел бы я полнее рассказать
Твою судьбу — твоих неутолений —
Но больно — горестной касаться тени,
Но страшно — тень живую вызывать:
Как Гамлету — ты завещал мне: дать
Ответ — за все твои недостиженья.

35

О, вымоли мне свыше благодать, —
Твоей тоской мою проникни душу,
Чтобы я мог достойней досказать,
Чем ты, таясь, — томился.... Слушай, слушай!
И — удержи, чтобы — сквозь слёзы, — суше
Я научился о тебе — рыдать!

36

Но о тебе — молчать я не хочу,
И ты — молчанья моего не хочешь, —
Недаром, с каждою бессонной ночью,
Твой вздох пророческий я чувствую, —
Я чую: повелительный и точный —
Твой возглас: «Слышишь?..» — Слышу и звучу! —

37

В тебе томилась — ночи глубота,
И искушала — мёртвость воли тёмной, —
Но мнилась — непременная мечта, —
И ты к ней влёкся — горестью истомной...
Что снилось сердцу? Только красота!..
Ты прожил долго — гордый и смущенный...

38

Как были молоды твои глаза, —
Весёлый блеск их — как сегодня — помню.
Умел ты — плакать, — тусклая слеза
Сменяла изредка твои восторги;
Но сдержанна была — твоя гроза,
И не любил ты — разрешённых молний.

39

Как будто замкнутый в самом себе,
Хотел бы высказать себя — безвольно, —
Но покорялся сумрачной судьбе, —
Безудержно — удержанный, безмолвный...
Но окрылённый конь — в твоем гербе, —
Ошибся — чур! — бездолье птицы вольной. —

40

Удерживал ты гордую мечту
В стесненьи стен — семьи и министерства;
Был безупречный семьянин, — но ту,
Кто заменил тебе пустое детство, —
Любил ли ты? О нет! Но — чистоту
Превыше страсти чтил — душою честной.

41

Утонченный, изысканный твой умъ,
Испытанный в наукахъ твердых права,
Умъ государственный, прямой и здравый,
Страстей народныхъ отвергалъ — разгул, —
Плеск революций — как ничтожный гул, —
Гул уличный, случайный и лукавый.

42

Вольнолюбиво ты искусство чтил,
А музыку — ей соответным — слухом;
Литературу родственно любил, —
Не русскую, — быть может, слишком сухо:
Иронии божественной цветы —
Властительно твоим владели духомъ;

43

Романтики воздушные огни
Пленяли звонким переливомъ радуг, —
И был призыв волшебной флейты — сладок:
Поэзия обязана — манить...
Что реализм? в нём длится та же нить, —
Все та же нить и — тех же дел порядок! —

44

«Служенье муз не терпит суеты»,
Прекрасное... всегда необычайно!..
Так Пушкина недвижной красоты —
С младенчества мне усвоялись тайны, —
И рядом Heine — своевольник Heine, —
Романтики — пахучие цветы!

45

Увековечены твои кумиры —
Да будут, если вечен буду — я:
Ты обожал — и Гёте, и Шекспира,
Но в Данте — реяла душа твоя, —
А Шопенгауер — сон бытия
Ты осязал — в недосяганьях мира...

46

В горацианский не впаду восторг, —
В стихах бессмертье не приму душою,
Испытанною — в пламени тревог, —
Страстнейших, чем гордыня. — Я не скрою,
Что я хотел быть жаркою грозою —
И одождить не только сушь дорог...

47

Что личных воль — слепое восхищенье?
Куда восхищен спящийся мне сон?
В какую глубь стремит вихревращенье?
В какую высь мой очерк вознесён?...
Не я, не я!.. Недвижней всех времён, —
Одно — недвижное в пространстве — пенье!..

48

И не поймут мое предвосхищенье!
И тёмен будет голос этих строк!
Падут слова на сушь земных дорог, —
И не услышат гулкое паденье:
Ни — нынешних печалей поколенье,
Ни — поколенье будущих тревог. —

49

Так значит прозвучат они — не тем,
Кому — наверно — мной предназначались?
Умри, умри! Будь голос вещий нем —
В самом себе, — в одной своей печали...
И всё-таки! Навек — звучу... Затем —
Чтоб ангелы, печалясь, — услыхали!

50

Я не шучу. Я знаю — не умрёт, —
Несущийся — я знаю — донесётся:
Но слышат — травы, — неба досягнёт, —
Да, — в пеньи птиц на землю — вновь прольётся!..
Ты, ветер, — пой! Ты — в огненном колодце
Восхитил — огненный водоворот!

51

«С'ума сошёл! Вяжи его покрепче...
Или — оставь на воле... Отойдёт!
В словах, — жар-птица, а на деле — крот, —
И даже, может быть, не сумасшедший. —
Вишь, конь-его-крылат — куда несёт!..
Угомонись, сердечный мой, — полегче:

52

Пора забыть забавные затеи —
Поэзии несдержанную ярь, —
Дерзанья — были! Нынче путь — вернее:
И — мелкобесье, и — лесная гарь —
И всё отмерено, и все умеют...»
— А я — не мерю, — я пою — как встарь! —

53

Умею ли? Быть может, не умею
(Искусство — трудно, — критика — легка —)
Тружусь. — как раб? — Как жрец! — И разумею, —
Что требует искусство — знатока. —
На чей же вкус? Что, — если я — мудрее, —
И попадаюсь в лапки — простачка?

54

Гордыня ли? Кляпусь, не знаю славы, —
Иной, чем слава — истовой любви...
И я был глуп! Но с юностью оставил
И глупость, — там — за рубежом земли, —
Где чепуха житейская не в праве —
Коснуться блеска утренней зари. —

55

Я ей служу — единственно прекрасной,
Я ей курю — певучий фимиам,
Земля с водой — единожды согласно, —
Неслыханно вздыхают к облакам —
В тот явный час! и я молчу — безгласный, —
И я звучу — открытый — небесам!

56

Да наконец! пришла моя пора —
От суеты отречься человечьей, —
От сутолоки, от тоски овечьей —
На площадях... И перед кем мой страх?...
Гони — стада скорее — со двора, —
Хвала заре в неутолимой встрече!..

57

Или склониться нам — к смиренной прозе?
О чём жалеть? Звучанье этих строк —
Падёт на паперти и сушь дорог, —
Без подаяния уйдёт прохожий, —
И голос выгнавшего будет строг:
«Не лезь! Ступай — и зябни в бездорожьи!»

58

И буду — стыть! Созвучия, ко мне, —
Воздушные! слетайте — равнодушней!
Стихами заклинаю в тишине —
Морозной ночи: нет мечты — послушней, —
Смиреннее, чем лепет тот беззвучный, —
Души, сгорающей — в морозной мгле...

59

Так — мне бессмертье — здесь не суждено...
Мы встретимся! И — там! друг другу скажем, —
Отец, отец! что не было дано —
Нам выразить бессмертный сон стихами:
Мы оба пали — мёртвые! на дно, —
Мы — вечности моленья — завещали. —

60

Мне всё ясней: меня крушит с тобой —
Одна судьба, — одно недосяганье:
Сквозь суеты — как возглас роковой, —
Ты слышал — женское очарованье —
Тот облик призрачный, — тот Лик живой —
Беззвучное, беззвучное звучанье!..

61

Оно тебя влекло — и довлекло —
До пламенной, — до истовой могилы. —
Я чувствую — мне изменяют силы...
И снова — стук! В унылое стекло —
Просился дух — покинутый, бескрылый...
Да, ночь страшна.. Плотней — замкни окно!

62

Как я бессильно пред тобой виновен!
Как я, случайной силою влеком,
Ласкаемый отцовскою любовью, —
Бранил твой кроткий и приютный дом. —
Чего желал? Куда бежал? Стыдом —
За то раскинулся мой путь — греховный!..

63

Я не любил тебя, ах! не любил, —
А ты себя — измаял покаяньем...
Не ты — а я! Ох, сонный прах могил
Не разбудить отчаянным рыданьем...
О, мальчик мой! родной! О, милый сын, —
Спешу к живым — скорее на свиданье!

64

Теперь кричу — из гроба выкликаю,
Черчу твой герб — на память о тебе, —
Покорствую неистовой судьбе —
Все отымающей. Не уступаю, —
И падаю, и снова подымаю —
Твой вызов — в вызывающем гербе!

65

Клянусь, клянусь! До этих пор о славе —
Я не мечтал, известность — презирал, —
Теперь мечтаю: страстными стихами —
Раздаться над угрюмыми сердцами...
И так боюсь, что я — уже устал, —
Что бой с судьбой — опять не будет равен!

66

Не — житие, — не — исповедь твою, —
Кого уверит истина — событий?..
Но всё, что я — и знаю, — и люблю, —
Твоё! — твоих зачатий и наитий
Очарованье... Нет! не устаю:
Меж нами длятся — огненные нити!..

67

И не безволен мой нетвёрдый стих,
Он только вольности твоей покорен, —
Ты — там! услышал звон стихов иных, —
И ты мне шлёшь их: ветер через море
Летит — утешить человечье горе, —
На берегах — на берегах земных!

68

Не может быть, чтоб ветер — не звучал, —
Не может быть, чтоб ты — не отозвался:
Ты так любил, когда плескался вал
О берега и — в сердце отдавался, —
Я помню — ты стоял и любовался, —
Как камень пену сладко целовал. —

69

Не знаю я нежней воспоминаний, —
Как ты гулял со мной по вечерам —
По берегу, усталый, и вдыхал —
Дыханья волн, а я вослед бежал
И — камешки беспечно собирал,
Обточенные — волн неумолканьем. —

70

Еще летят — волнующие вздохи, —
От ветра веющего — от тебя...
Гимназия — вечерние уроки, —
Слова и числа — плещут и гудят, —
Рябят в глазах, — и лампы свет далёкий
Долит, в постель приютную — маня

71

Ты, наклонясь, — и молодой, и бодрый, — .
Дневной усталости наперекор —
В мой слух глухой, — урок — как будто свой —
Твердишь с улыбкой медленной и доброй, —
А я — уж сплю, и — снится милый образ —
Заботы, наклонённой над душой...

72

А — по ночам: один — как обречённый, —
За ночью ночь — навстречу мёртвым снам, —
Работал сам, к бумагам пригвождённый, —
(Внутри — мечтой одной воспламенный, —
Над суетой — высоко вознесённый) —
К делам прикованный, — к делам, к делам!..

73

Куда девался твой жестокий труд, —
Твои — над вещею душой усилья?
В архивных канцеляриях гниют,
Об'яты тою же сухою пылью, —
Как кости бедные твои — приют
Нашли же — наконец! — в земле могильной. —

74

Россией на бумагах управлял,
Семью любил, Россию обожал, —
И — где семья? и — где твоя Россия?..
И ночь — пришла... В безумстве зарыдал, —
Безумства в бездну — распалённый — пал!..
Распался мир — разрознена стихия...

75

Ты все предчувствовал. — Смеялись мы —
Твои же дети — над бездумьем зрячим, —
Глупцы! не мы ли — злее тишины, —
Стояли твёрдо — над водой стоячей?
А ты — предвидел, — чувствовал — иначе,
Чем общие и слабые умы. —

76

России нет!.. Есть призрак совершенства
И — прах обломков... в зареве — луны, —
Или в сиянье — Солнечной Жены,
Дарующей вселенское блаженство? —
О, верю, мы — уже озарены...
Да не обманет — сон надежды женской!..

77

Несётся вихрь и пенится исток, —
Остановлю ль — моих созвучий пенье?
Или иссякнет — прежде, чем поток
Моих ночей и дней в коловращенье?
Торопится душа в неразрешенье, —
Как — в страсти прерывающийся вздох. —

78

И голос мой размеренный — не строг,
И тех же слов — неравномерно пенье,
И образов — неравно насыщенье. —
Что ж? самому иссякнуть в нетерпеньи?
Что ж? иссушить безкрайное стремленье?
Но, — вихрь — поёт, — и пенится — исток!

79

Теснятся звуки, образы, дрожанья...
«Сдержи, сдержи: единственность сильна!»
— Так нужным быть! — «Смешное притязанье, —
Полезностью ль поэзия — вольна?»
— Так, значит, — грусть безмолвья — решена?..
О, юности моей печаль, — изгнанье!..

80

Хотел быть нужным, — говорят: не нужен!
Ну, что ж? не нужен, — значит, — замолчи! —
И с кем ты был — в особенности дружен, —
Кому ронял нежнейшие лучи?
— Зажег свечу — звончее всех жемчужин... —
«Задуй свечу, — покорствуй, не звучи!..»

81

«Ты думаешь: ты пользу приносил, —
Кому-то был, на самом деле, дорог?
И с кем-то правду Божью сотворил —
И с ним делил надежду в общем горе?..
Дай Бог, чтоб до могилы проводил —
Тот, для кого ты жаждал - - мыслил — спорил!»

82

— Сияние в незримое — влекло! —
«Ах! отвлечённица... Скажи — прямее!»
— Боролись чувственно — добро и зло... —
Увы! — Не чувствуют — не разумеют, —
Но — тонкою, но — острою иглой
Пронзают душу, — злее не умеют...

83

— Скажите: слово — чувственно иль нет?
Нечувственного слова я не ведал, —
Предчувствие неотвратимых бед, —
Огонь, влекущий к огненным победам?..
Я замолчу... «Безогненный ответ...»
— Что ж? Называйте исступленье — бредом!.. —

84

Я закричу!.. «Кричи себе на славу!..»
Зажали уши и — пошли гулять...
Я берегу — горьчайшую отраву
Внутри себя — как Божью благодать, —
Безумье право: «все на свете — правы», —
И каждый прав — на собственную стать!

85

Ещё — грубей? Ещё — назвать ли проще, —
Ничтожеством великую печаль?
Что может быть — торжественней и площе,
Чем звёздная — сверкающая — даль?..
Вот — соловей, запел в забытой роще...
Умри, — печаль! Ведь — ничего не жаль!

86

Чем злей печаль, тем исступлённей радость,
Чем глубже радость, тем смелей печаль, —
Как хорошо! Божественная сладость
И — мудрость, острая — как сталь —
В крови! — как вихрь зари! — блаженной, алой...
Струись же, радость, — и тони, печаль!..

87

Я был запечатлен, горд и непреклонен,
Я отреченный буйно убегал, —
Не поклонялся — ни одной иконе,
И ни пред кем лампады — не сжигал, —
И глупость юности — как камень сонный, —
Слезами покаянья обливал. —

88

И чем — глупее был, — тем — благосклонней
Людская глупость вторила мечтам;
И чем — мудрее, — тем — непримирённей
Вражда гналась — буквально по пятам. —
Ты в глупости — уюте и в законе...
О — юность, юность!.. Слава — дуракам!

89

Как я покорен был и — как бежал, —
Покорен гордости — дурацкой силе!..
Кто — отреченья вдруг — не испытал, —
На роковой, на роковой могиле, —
Тот — мудрости не ощутил, не знал...
Да, истина — на дне! — людских — бессилий!

90

«Остановись, о путник запоздалый! —
Стучись, рыдая — в звонкое стекло:
Сейчас откроют, — отдохнёшь — усталый, —
И выпьешь тёплое, как кровь, вино...
— Стучал, рыдал!.. мечта изнемогала, —
Открыли — и захлопнули окно! —

91

Так — решено: иссякнуть, — не рыдать... —
О, ты — молчание! о, враг мой вещий!
Ты — говорящее — темней, чем вещи, —
Неосуждённые! — в ночах молчать, —
Ты — восклицающее —громче — резче, —
Чем камни, — осуждённые — лежать!..

92

«Конец, конец!.. и правды нет на небе, —
И славы — на вздыхающей земле, —
Одна — насущная тоска о хлебе, —
И — голос умирающий во мгле!..»
— Поэт, — сомкни свой невозможный жребий, —
Клянись — кровавой утренней заре! —

ПУТЬ В ЭММАУС

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

...Глаза их были удержаны
От Луки.

1

Три добрых трети мужеской дороги
Уже пройдя, надежду истомя, —
В сплошной — нечеловеческой тревоге, —
В беспамятстве прилёг я на пороге
Приюта, не принявшаго меня...
И — вот твой труд, закон скитанья — строгий!

2

И — вот твой подвиг страстный, — человек!
Не унывай: тебе награда свыше
Обещана. Теченье вольных рек
Преобратится в неподвижный снег. —
Смежи склонённость удрученных век:
Ты воды вешние — не здесь услышишь!

3

Да! сыну человеческому негде —
Здесь преклонить усталой головы...
О мудрость мудрых!.. Не судите прежде,
Чем ближнего не выгопите вы, —
Не предавайтесь суетной надежде:
Воистину — все люди таковы.

4

И я — таков! и — ты, мой — сын! и — внуку,
И — правнуку бессильно завещай —
Увы! неисполнимую науку:
Молящего тебя — не отвергай,
Изнеможённого — не изгоняй:
Да не подымешь на скитальца руку!

5

Упал — отверженный. И — свято помню
Кому я в подаяньях отказал, —
Как я торжественно свой долг исполнил:
Жену и сына честно пропитал, —
Для остальных — мне не хватило комнат, —
А нищий — мне работать помешал!

6

Всё это было. Или — вздор, не — важно?
Поповская, сектантская — мораль?
Живи себе — ни весело — ни страшно, —
Сменяй вольготно радостью печаль, —
По праздникам — усерднее зевай, —
И дорожи невинностью — домашней. —

7

Эстетствуй, как эстетствуют твои
И недруги и други — помаленьку:
Отцы наши имели деревеньку
И — благодушно проводили дни,
Не зарясь на соседское... По Сеньке
И — шапка, знай... и баю — бай, — усни.

8

И вдруг — не так! — И — страшное приспело, —
Уюты скромные смела — гроза, —
Пропало обывательское дело;
Желай иль нет, а настежь открывай —
Все двери настежь: нищего встречай, —
Так — революция теперь велела!

9

Крупит и гнёт — и воли не даст,
И волю обещает, — кто возьмёт,
Кто сам возьмёт: слезами сыт не станешь, —
Всяк потрудись — добудешь в свой черёд, —
Не впроголодь! Копай свой огород, —
И в о́ щи — овощ общую доставишь!

10

Благодарю, восторженные братья.
О, как восторженно — благодарю!
Еще я к вам в любовные об'ятья
Вернусь встречать вечернюю зарю...
Но я бегу! Но я вам шлю проклятья!
Но я дыханьем утренним — горю!

11

Владел и мною ласковый обычай, —
И у меня был огород и сад, —
И скот мычал, и двор был полон птичий
Петушьих песен; в детской — рай и ад...
И по стенам — родных портреты в ряд:
Всё, как приказывал обряд — приличий. —

12

«Ты мещанин!..» О, да — мещане — братья!
И в чести я мещанской не упал, —
Любил, как вы, культурные занятья, —
И тишь да гладь, — как вы не отвергал, —
Всю пошлость древнюю — всю без из'ятья, —
Руками и ногами обнимал. —

13

Но вот бежал! Как — никогда, ни разу, —
Не снилось вам, не грезилось вовек!
Я поклялся не вашему алмазу, —
И топором — наотмашь — я рассек
Все, что затвержено, — как по приказу .
Да свят живёт — свободный человек!

14

Хотя бы горы чёрной тучей стали,
Хотя бы льды сомкнули свой черёд,
А воды — высохли, — стремить устали —
Свой влажный и размашистый полёт, —
Всё-всё равно! — Душа, лети — вперёд:
Не останавливай своей печали!..

15

Я вас призна́ю, — если вы — назад
Вернёте мне моё неутоленье,
Которое мне напевал мой сад —
В своём блаженном яблочном цветенье, —
Когда я пил его душистый яд —
И думал: вот — заветное решенье!

16

Бежать от всех приветов и цветов, —
Тропинок трепетных — и грядок нежных,
От — благовеста тех колоколов,
Которых счастью — меры нет — безбрежной, —
От всех приволий... Боже городов, —
Прими мой дух — безудержный, мятежный!

17

Не созданный для сладких очагов —
Ни в деревнях, ни в городах... Прощайте,
Хранители казённых закромов,
Опекуны и пе́стуны — рабов, —
Я обманул — я не вернусь в об'ятья
Невинности, достойной дураков!

18

Я знаю — волю, знаю и — неволю...
Неволю — кротким — волю — смельчакам!..
Приемлю и насилие: как долю —
Несдержимым в пошлости глупцам, —
А слаще вольности — лишь богомольность
В последней боли, — страстность вещим снам!

19

Или, смирясь (но буйно, до восторга!)
Отдать себя на произвол судьбы. —
Сказать рабам: — владейте мной, рабы, —
И тем утишить дух, страстями скорбный?
Всё — одинаково смешно и гордо, —
И всё одна завещанность, — борьбы!

20

Когда я думаю, откуда — это?
Моя заветность — утренней заре? —
Чья кровь текущего во мне завета —
И всё темней, все гуще и острей, —
Как иней — в блеске пристального света, —
Не кровь ли всех отцов и матерей?

21

Вся кровь, сгущённая, — в перасторженьи —
Но особям, в отдельностях людских, —
Но вспыхнувшая вдруг — в одном решеньи?..
Или — за жалобной отцовской тенью —
О, мать моя, твое неутоленье, —
Твой грустный день — в истоме дней моих?

22

И ты любила — гордо и упрямо, —
И чувственно жила душа твоя. —
Рожала — вянула... Росла семья
И — вдаль ушла... Подобно — жития
Страницам шелестящим — дочитала
Свой долгий сон, — ты — бедная моя!

23

Так, — розные в одном томленьи — оба,
Кровь одинокую вы жгли до тла...
Тебя ничья не прикоснулась злоба, —
Но кто — любил тебя? Кому — цвела,
Кому любовь, мечтая, отдала —
По старине: любовь, — любовь — до гроба?

24

И всё мне чудилось: в монастыре
Проходишь ты монашескою тенью —
В холодных комнатах, — под скучной сенью —
Семейной кровли... О, мертвей, мертвей, —
Мертвее белых стен монастырей —
Грусть материнская без разделенья!

25

О, — как простой, доверчивой любви —
Надежды кроткой ласкового тела —
И женственно и гордо ты хотела!..
Отказано... Таись, мечта, в крови —
Медлительно, пока не отгорела —
В кругу семьи — родной — пустой семьи!

26

Но помню я тебя — и молодой, —
Как будто изнутри — зажжённой, — властной;
Как зубы белые — твой смех прекрасный
И голос — громкий, резкий и грудной, —
Когда доказывала — в спорах страстных —
С неудержимостью почти мужской. —

27

Я помню, ты собою всех пленяла,
И всех — в твой круг приветливый влекла:
Тогда душа еще желать — мечтала,
И тот, кого ты чувственно желала, —
Еще не схвачен был враждебной мглой, —
Влекущей — разлучающей мечтой...

28

И детство помню — радостно и свято!
Гнездо счастливое ты нам свила:
Одна, — чем сердце женское богато —
Всю радость отдавала — без возврата, —
Да, без возврата! радость отдала, —
Кому?.. О, юности восторг проклятый!

29

Как малодушно отрекались мы
От слов твоих — от снов твоей печали,
Едва повеяло — дыханье тьмы;
Как вырвались из рук, что нас качали, —
Как юно, — как жестоко — отрясали
Заботу грустную, — как прах тюрьмы!..

30

Не прокляну — ни пламенных раздолий,
Ни власти отрицающей мечты, —
Чтоб — в иступлённости последней воли —
Достигнуть — докоснуться высоты:
Но юность — знает, только своеволье, —
Не истины восторг, — а — красоты!

31

Лишь пыль цветочная — летит по ветру,
Мешаясь с пылью — ветряных дорог, —
И все любовницы — равно по сердцу,
И страстный бред — как заданный урок...
О, как давно! О, как давно — далёк —
Мне — наконец — весь этот облик смертный!

32

Когда теперь, — о, наконец! — отпела
Влюблений томных горькая струя, —
Лишь с той поры коснулся я предела —
Действительной истомы бытия...
Но так назначено: во власти тела
Перегореть должна — душа твоя. —

33

Я испытал. Блаженны лишь младенцы
И — старики. Одни — не знают зла,
Другие — выгорели в зле до тла. —
Так! молодости чувственной — хвала, —
В тот миг, когда — призы надежды женской
Она восхитит — в лик Жены Вселенской!

34

Не упрекни, неведомый — читатель, —
Схоластикой печаль не назови:
Скажи, что слово сказано — некстати,
Что образ — холоден, что я — мечтатель, —
Но — верь! — я в женской утонул — крови
И — вырвался из сумрачных об'ятий.

35

Не женский вздох, но страстный сон люблю,
Как нежности безмерной устремлённость, —
Неутолённость — да! — неутолённость: —
Да, — в смертности истомную струю —
Я услыхал! Еще её я пью —
В утробе матерней, — в утробе сонной!

36

Так! Матерь Света преклонённо чтить!
Тебя родившую — любить пристрастно,
Как образ Божьей Матери — прекрасной!
К Отцу Небесному восторг стремить!
Тебя родившего — любить, любить —
Чтобы Небесному молиться страстно!..

37

Не помню, чтобы кто-нибудь читать —
Меня учил. Чуть лепетать я начал, —
Читал, что ни попалось наудачу.
Московской крёстной письма стал писать,
Как будто век писал, — и отправлять
Спешил их сам — один — в почтовый ящик. —

38

Меня другому научила мама:
Став на колени, Богу повторять
Простые просьбы, — с верой засыпать
Что всё — исполнится, что мы — недаром
О счастьи молимся, что надо — ждать, —
И радость райская — для нас настанет...

39

Года сменялись. Радость — не пришла,
Всё насущественнее — счастье снилось,
Казалось, всё безжизненнее билась
Пустая кровь — и душу истощила
До времени. И — страстно умерла
Молитва, как мечта, — что — не явилась. —

40

Унылое безверье тусклых дней,
Как маятник, — порывы и бессилья...
Часами мерить вольный мир страстей
И — стыть на дне безвольнейших уныний!..
(Слова мертвы — для «таинства скорбей», —
Лишь музыка способна — тайну выдать!)

41

Но верная отрада — в немоте —
Моим почам (уже давно бессонным!)
Ни разу не предался я тщете —
Людского суеверья. — Раздроблённость
Мирских частиц в кипящей пустоте —
Я не признал, — душой неутолённой. —

42

Звала бездонность и тянула вниз, —
Глаза сомкнув, я не взглянул ни разу —
В глаза пустыни. Низкий атеизм
Не соблазнил души — своим соблазном:
Умов усталых горькая зараза...
И дни прошли, — и люди пронеслись. —

43

Я пуст лежал — и назвал пустотой
Пустое сердце, — и проспал как мёртвый...
Но — в чаяньи бессмертья! Но — простёртый —
Не под бездушной полой синевой:
Но звёзды — жили ярко надо мной, —
Когда — я вдруг проснулся в час — четвёртый!

44

Как раз'яснить? И знаю — и не смею
Коснуться слов в их бледном серебре...
Они развеются, — едва успею
Отдать их блеск играющей заре...
О, музыка, я отдаюсь, бледнея, —
Твоей, твоей, неслыханной игре!

45

Не досягну до выспренних созвучий,
Паду бесславно — буду волочить
Словесную и мысленную нить,
Как цепь, гремящую тоской беззвучной...
Не выразить, не высказать... О, лучше —
От гордости отречься — не грустить!

46

О, Боже слов — звучащий и молчаний,
Ты, малый дар вручая мне, сказал,
Чтоб я звучал печалью всех желаний,
Которыми Ты душу мне связал, —
Чтоб не молчал! И бьётся в берег вал —
На утренней заре в ночном тумане...

47

О, счастливы, кому высокий дар
Для сладостных внушил Ты упоений,
Для славы несмолкаемых похвал —
И пышных и поздних поколений:
Тот молод в старости... А я — устал
Ещё до полдня — устарелый гений.

48

Но вот скажу — и вот ещё — и снова
(О бледное беззвучье — правоты!)
Не лестью одобрения людского,
Не собственным сознаньем высоты, —
Я дорожу: но только властью слова,
Лишь властью заклинающей мечты, —

49

Чтобы сказать! Чтобы отдать, о Боже,
Томленье слов Твоих — Твоим сердцам...
Не — без тщеславия, но Ты тревожил,
Ты искушал мне душу по ночам, —
Не уменьшая, — умножая — множил
За валом вал, — к далёким берегам!

50

Не высказать! Безвольно меркнет слово...
Не прозвучать! Мне звучность не дана...
Не описать! Мне кисть не вручена...
Осмелиться? До счастья? до иного? —
Бессловного? — в молитве?.. Смущена
Молитва — счастья чарами земного.

51

Как мудры были те, что нарекли
Искусство — гранями, в которых хаос
Как в сотах сладок — в тесноте земли!
А мы? Молящиеся — спим в дали, —
Где облака молчат, — как хрустали?
Нам путь один, — как призрак, — в Еммаус!..

52

И верим, и не верим, что воскрес, —
Глаза поднять боимся — на явленье
Живой божественности — в воскресенье;
И скучен нам весёлый мир чудес,
Развёрнутый вокруг, — в едином пенье, —
Творцу, сокрытому в Своём творенье.

53

Ах, счастливы — и дети, и поэты!
Да внидут, Боже, в Царствие Твоё, —
Как листья вешние — в сиянье лета,
Благоухая в прелести расцвета, —
И плод их — исполнение завета, —
И плоть легка, и — сладко бытиё.

54

Настанет Царствие Твоё — как осень,
Увянувшая в листьях золотых,
В плодах волшебной красоты — сквозных, —
В хлебах, поспелых к жатве, наливных...
Но не отвергни же — и запах сосен, —
Стволов смолистых — в Славе дней Твоих!

55

Как иглы сосен, тускло зеленея,
Неласково целуют воздух Твой, —
Мои стихи — цветут Тебе, не смея
Сравниться с окрылённою листвой:
Она смеётся солнцу, молодея, —
И, улыбаясь, шепчется с луной.

56

Не смею выразить... Скажу, не смея —
Коснуться воздуха, Твой лик любя!
О, пусть томленью моему поверят, —
Мне смерть порукой: я узрел Тебя!
Иль мы живем, чтоб — смертный воздух мерить,
Иль умираем, чтоб — пугать ребят?

57

Воскреснем все! Твоим дыханьем свыше,
По возгласу архангельской трубы,
Но не полны ещё Твои судьбы, —
Ещё мы все — и дети, и рабы, —
Ещё мы, вглядываясь, — смутно слышим,
Ещё мы тянемся — всё выше, выше; —

58

А здесь во мгле — на медленной земле —
Предсознаём — кто мглистей, кто светлей, —
Иные лики: в истомленьях плоти —
В томленьях духа — в горестной заботе, —
Отца, к земле склонённого в работе,
И Матери, горюющей в семье. —

59

И вы мне — лики Божьи: ты, меня
Зачавшая — и ты, осеменивший!
Несознавая — движим волей высшей,
Святится муж, жену осеменя, —
Зачавшая — да, славится жена, —
Во имя — Матери, Христа родившей!

60

И мне лицо твоё мерцает, мама,
Увы, — за той недвижною чертой,
Куда влекусь к тебе ещё живой:
Мертва икона — теплится лампада —
Сгорает масло — пред пустой доской...
Живой-живой!... Стоишь со мною рядом, —

61

Диктуешь вновь — как в явные года, —
Держу перо — как ты держать учила;
Читаю Шиллера — как ты любила, —
И навсегда, — как правду — навсегда, —
Его акафисты мне натвердила, —
Его восторг вложила мне в уста!

62

«In einem Tal bei armen Hirten...» сам —
Молитвенно — я заучил на память:
«Ein Mädchen schön und wunderbar...» (мечтал я!)
«Man wusste nicht, woher sie kam...
Как Дева радуйся! — и первыми стихами
Ответил — этим именно стихам!

63

Всё, что душа впервые познавала
Здесь в этом мире — на твоих устах!..
Как скучный долг свершая в строгих днях, —
Как новость грустную — ты сообщала:
«Земля — есть шар», — и я скучал, нимало, —
Не восхищаясь — шар или не шар...

64

За то, — вручаясь чарам волхвований,
Ты нашептала мне по вечерам:
Шесть дней созданья, — как огонь в тумане, —
И образ Божий на земле — Адам, —
И Ева, наклонённая к плодам
Деревьев райских — слаще всех созданий!

65

Запретный плод... Изгнание из рая —
И ангел с пламенеющим мечом, —
И кроткий Авель, и недобрый Каин, —
И кровь, текущая пред алтарем, —
И Бог, воззвавший в сумраке дневном, —
И непокаянность — и ночь скитаний...

66

Но утешенье — праведным сердцам:
Аврам! Аврам! — остановись, — не надо, —
Не надо — жертвы страшной небесам:
Преда́нность сердца — Господу отрада, —
В дни ужаса — по воющим волнам
Причалит Ной к цветущим берегам;

67

И радугой морям отсветят тучи,
Исполнит Бог свой солнечный завет:
Пройдут века — и встанет вождь могучий, —
И проведёт через пустыни бед —
В обетованный край — как в райский свет, -
И в молнийных сверканиях научит...

68

Всё это, мама, — всё — твоё, твоё:
Неопалимый куст горит поныне!
(Кто нам внушил, что жизнь и житиё —
Две розные — несродные стихии?
Не в глубине ль Господне бытиё —
В нас разгорается — как сны живые?)

69

И — ты — доступный мне открыла рай, —
Ты грёзу в сердце сладко пробудила, —
Ты знала ли, — что в тайны посвятила, —
Когда на ёлку, помнишь? — подарила
Мне — сказки Андерсена: «сам читай!»
И — я — читал, — читал, как одержимый...

70

Между тремя заветами — второй!
Тогда мне таинства еще не снились, —
Когда виденья добрые явились:
Дюймовочка — над тонкою землёй,
Русалочка — под тонкою водой, —
И всех невиданней — Оле-Лук-Ой!

71

Все комнаты, казалось, стали полны,
Как в оны годы — душами вещей, —
Игрушки жили ночью веселей:
Солдатики в коробочках картонных —
Дремали днём, чтобы потом бодрей
Плясать и петь с пастушкою знакомой;

72

В шкатулочке — воткнутые иголки
Рядком уселись — тоже не спроста,
Но разговор вели — довольно колкий
(Не отличаясь от людей нисколько),
Что — каждая лишь тем и занята,
Чтобы прослыть — особенной иголкой...

73

Всё это мир твоих очарований, —
В свечах зажженных — ёлки золотой:
Как таинство — свершалось за стеной,
Где мы до сумерек скучали с няней...
Вдруг — колокольчик!.. Знаем!.. Как шальной —
Влетишь, — и вот он — рай моих мечтаний!

74

А ты — ещё невиннее детей —
Любуешься и нами, и огнями, —
И хмурый папа — добрыми глазами
Взглянул на прелесть ёлочных затей, —
Играющих, сверкающих лучами,
Каких не знают — звёзды всех ночей.

75

Всё образы иного — в наших днях, —
Таинственнейших дней предвосхищенье, —
Завет нам — радость! Если бы в скорбях —
В слезах, в трудах — в бессоннейших ночах, —
Нам не было завещано томленье —
Но радости, нам спящейся в мечтах, —

76

Распался б мир, стихии б растворились, —
Сердца, планеты, особи смесились, —
Чтобы распасться вновь — до пустоты, —
И вновь смеситься — в мире, как в могиле, —
И — вновь рассыпаться... Мечты, мечты! —
Вы, мир держащие — в Господней силе!

77

Блажен, кто явственный их слышит зов,
Сквозь слой нетвёрдый дней, летящих мимо,
Сквозь лепеты вздыхающих часов, —
Кто их зовёт — во всем неутомимо, —
И не вздрогнёт — пред шелестом шагов
Представшей тайны — в час неумолимый!

78

Но если — мужества не знаешь ты,
Но если — ты влюблён в земные ткани, —
Не отрицай во имя пустоты —
Закон исполненных существований, —
Где смерть — растаяла в лучах мечты, —
Не отрицай, дитя моё, заране!

79

Скорбями испытуются сердца,
Нас призраки смущают, как предметы, —
Но мир — не призрачен. Его лица
Не видя, отрицаешь Ты — Отца;
Его души — не слыша в бездне света, —
Ты мыслишь в мирозданьи — мертвеца.

80

Всё очаровано — и все живое,
Нет ничего, что́ бы упало в ночь!
Всё видимое — думаешь, — пустое?
Оно — как «ночь в звездáх», — всё золотое,
Всё голубое... Слушай: все — точь в точь, —
Как там! в раю, — где — мы уже с тобою!

81

Нет ни одной пылинки, что не снится
В его достигнутых и страстных снах, —
Но мы отторгнуты, и нам стремиться —
До времени, — в тяжёлых пеленах:
Но лишь вглядись, — сиянье таится...
Умрёшь, — и тяжесть — обратится в прах!..

82

И дни — как сны, и вещи — как явленья:
Настанут сны — и вещи станут явь, —
Не соблазнись же миром — без томленья,
И перед страстной правдой — не лукавь:
Ты знаешь сам — на дне изнеможенья
Надежда восхищает — достиженья!...

83

...Пойми и то, что значит — грозный стон,
Которого гремят сейчас раскаты —
Над городом, тяжёлым днем об'ятым, —
Не осуди! Поднялся брат на брата, —
И каждый рушит — свой отцовский дом,
И имя матери — опять не свято.

84

Кто победит — и чья верна победа?
В — бездольной схватке доль — кто виноват?
Все — схвачены. Но разум Божий — ведом, —
Лишь тем, кому — и друг и недруг брат:
Настанет час, — подымешь кроткий взгляд,
И вдруг поймёшь, — за кем — бежал ты следом...

85

Не — в буйстве воль!.. Сейчас — молись, кто — может,—
Кого молиться научила — мать!
Не — выучен? Иди страданья множить, —
И — научись, что значит умирать —
За всё, что душу темную тревожит, —
За что — отец учил тебя, — страдать!..

86

Прости, прости — неведомый читатель, —
Мой недозвучный — мой беззвучный бред!
Заслушался, — и звучность я утратил?
Я вслушиваюсь, — и поёт рассвет?..
Спроси — у музыки, — за ней ответ!
А я — беспомощен, — я лишь мечтатель...

Верь иль не верь, — упал я на пороге —
Отверженный. Уснул и видел сон, —
О снах, в которых мир заворожён, —
О том, как мамой был я научён —
Всему, что знаю... Что в ночной тревоге —
Удержано — в Еммаус мы идём!...

ПРЕПОЛОВЕНИЕ

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык,
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул — сей язык.
П у ш к и н.

1

Открою вновь уста мои для пенья...
(Усталости иль страсти предаюсь?)
Что суд людской? Гонений не боюсь!
Я женщина — доступная моленью,
Я послушник — мирского исступленья, —
И нам сродни — отверженные тени

2

Блуждающих безумцев — в тишине
Монастырей и улиц опустелых:
И ты услышишь — чётко, как — на дне, —
Как клятвы одиночества земле —
Шаги, взывающие — к ночи белой, —
И дрогнешь ли — в мгновенном полусне?

3

Неведомый, неведомый читатель!
Как я зову — как отдаюсь тебе...
Не доверял я мужеским об'ятьям,
Ни женской — не вверялся я судьбе, —
Ни дружеской, ни брачной благодати, —
И слабый воин был — гражданской рати;

4

Но я хотел, чтоб пламенность моих —
Зови как знаешь — песен иль мерцаний —
Жила в глазах и на устах других,
Чтобы мой вольный и тревожный стих, —
Был опьянён желанностью твоих
Неудержимых — сердца содроганий!

5

Пойми, неведомый, — ведь, ночь жива
Лишь тем, что мир её дыханьем дышит,
И солнечная знает синева,
Что вся земля — её сиянье слышит:
Так, — вслух поют горящие слова —
И ни одно вниманье не колышат!

6

Пойми, затем и вспыхнул и горишь,
Чтоб быть внимаемым — другим гореньем...
«Поэт — один, читателям — презренье...»
Какое мёртвое предубежденье!
Или — гордыня?.. Нет, — не убедишь —
Словами дряхлого неразуменья!

7

Бог любит мир и будит в нас мечту —
Любить другого явною любовью, —
И — не бросал я семя в пустоту —
Рукой окоченелой и бескровной, —
Но предназначенное миру слово —
Не разрешал в мирскую немоту.

8

Ах, — не было возвещено мертвее —
Забвенья унывающих сердец, —
Что будто: слово произнёсший — лжец, —
Лишь расторгающий бесцельно звенья:
Да! слово расторгает цепь колец, —
Чтобы сомкнуть — в неслыханном сцепленьи!

9

И, если я когда-нибудь шептал —
О невозможности сказаться словом,
И если я — молчал или вздыхал, —
Я заждался — звучания иного:
Не отзвучал, но — втайне зарыдал, —
В предчаяньи — недосяганий новых!

10

И, если немощен я — проспять, —
Дабы в глазах любовных заспяли —
Мои сияния, но — в ночь упали, —
Я буду там пытать и вызывать —
Напевы той беззвучнейшей печали, —
Которая — не может не звучать!

11

Я знаю — музыки властнее власть,
Чем речи человеческой владенье, —
Но — та же расторгающая страсть
И та же — неизбывность расторженья, —
Лишь на мгновение — не быть!.. упасть, —
И засиять, сверкая, — в воскресенья!..

12

...Сидели долго вместе и грустили,
И двери заперты и — свет погас, —
Он вдруг вошёл и прямо стал средь нас, —
И мы — вскочив, — как дети — возмутились, —
Не — может быть!.. Не даром тёмен час...
Иль это призрак — в колебаньях пыли?

13

И Он сказал: «Не вы ль Меня казнили?
Ощупайте пронзённое ребро, —
Вот здесь вы кость едва не преломили...
Коснитесь испытующей рукой —
Еще открытых ран!..» И мы — вложили
Трясущиеся пальцы — в их пробой. —

14

«Ещё не верите? Идемте к морю —
Закиньте невод, вам ответит глыбь —
Обильем рыб!..» И — как рабы, не споря, —
Бросали невод мы в морскую зыбь
И — радовались, что — обильем рыб
Был невод наш — тяжёл и густ, и черен! —

15

А Он — развёл костер и роздал нам
И хлеб и рыбу —тёплыми руками, —
И перед Ним — перед Его глазами,
Смотревшими — к отверстым небесам, —
Жевали ужин жадными устами, —
Боясь поднять глаза — к Его глазам...

16

И в третий раз — возник Он между нами,
Как в первый — через за́пертую дверь, —
Вошёл и стал и — вновь спросил: «Теперь —
Вы верите-ль?..» А мы — еще не знали, —
И не — узнали! — тусклыми сердцами, —
Как будто — мёртвый! обуял нас — хмель...

17

И — с кротостью, и — с жалостью прощенья, —
Он сел за стол, — и мы — глупцы, глупцы! —
Смотрели, как он — ел, — до ослепленья!..
И только тут — упали на колени, —
Лишь тут признали: разве не горели —
Сердца у нас — в Еммаусе, — слепцы?

18

Потом ещё раз — повстречался с нами, —
В час предразлучный и, томясь, пытал —
Того, кто час отчаянья — проспал,
Кто от Него — едва не убежал:
«Ты любишь ли меня» — и изнывал, —
Как солнце — над бесплодными полями.

19

А тот — ещё пустой и незажженный, —
Ещё не осиянный с высоты, —
Твердил — как раб, не любящий, — влюблённый:
«Люблю, Господь — ужель не знаешь — Ты?»
И трижды Он пытал — неутолённый, —
И трижды слышал — лепет глухоты, —

20

И вновь — простил!.. «Иди за Мной!..» И — дунул, —
Дыханьем утолённой высоты, —
Достигнутым желаньем глуботы, —
Сверканьем Духа — в мертвенные рты, —
И утонул — в пределах широты
Кругов небесных и — земного круга...

21

В час предполуденный — единодушно —
Мы были в сборе, помня и грустя...
И вдруг дохнуло, будто шелестя —
От потолка или от стен слетя, —
Сквозь вихрь, сквозь звон—взвился огонь воздушный,—
Как молнии — иль молнийные души...

22

И — вскрикнули! На — разных языках!..
И — в ужасе — залепетав, — отпрянув, —
Хотели смехом свой осилить страх;
Но — тот, семижды Им прощёный, — званый
На подвиг страстный, — возгласил: «Не пьяны!...
Но Свят, Свят, Свят — на наших головах! —

23

Да славится Сиянье в языках,
Которыми мы возвестим о чуде, —
Явленье Духа на плотских путях, —
Его вселенье... Познайте, люди,
Что Он средь нас — и был, — и снова — будет, —
И с нами — здесь, и — до-века пребудет;

24

Что мы Его отвержем естество,
Его — отвергнув — пламенное Слово;
Воистину бессмертно — вещество, —
Но воцарится — в воцареньи новом...
Христос — воскрес! Вселенная готова —
Преобратить истленье — в божество!

25

Пойдём и проповедуем народам:
Все за одно — и каждый зван на пир, —
Не плоть, а дух! не рабство, а свобода!..
И на бездолье — не покинут мир, —
И не бесплотный — над землёй кумир,
И не бесплодная — дымит природа!..»

26

...Века, — века!... Уже гудит — двадцатый, —
Почти полвека — отдал я годам. —
Моих отцов вступил я по следам —
В век девятнадцатый, как в лес заклятый, —
Наследник завещанья: все — не свято, —
Всё — только здесь, — и ничего нет — там. —

27

Но в том лесу, как тот великий странник, —
Что рассказал — свое схожденье в ад
И — чрез чистилище — восход в тот сад,
Куда ввела — жена его желаний, —
Я повстречал — но в утре дней — в начале
Унылости, — тебя, мой друг, — мой брат, —

28

Мой Добролюбов. Да! ты — мой водитель, —
В кругах тоски. Тебе ли я солгу?
Года сожгли сухую чепуху, —
Я не стыжусь признать, что ты — учитель,
Я — ученик. На тусклом берегу
Я отдался словам твоих наитий...

29

Что в слух младенческий шептала мама,
Чем отроческий ум отец пленил, —
В передрассветном сумраке дремало,
Не кто-то уж смутил и развратил —
Огнём недобрым юношеский пыл, —
Томленьем без конца и без начала. —

30

Кому молиться и — кому предать
Порывы духа, смутного как призрак —
Невоплощённый? Кем же в мир я вызван —
Или — судьба: не быть, — не достигать?
И кто назначил — в мире быть, — желать?
И отчего — так непостижно близок, —

31

Всем чаяньям, — тот неподвижный лик,
Чьё имя мы почти не именуем,
Чьё приближенье, отвращаясь, чуем:
Новорождённый ли примчится крик,
Или согбённый лезет в гроб старик,
Лишь о дремоте — наконец тоскуя?

32

Во всём — во всём — и в силе поцелуя,
И в тихости полуоткрытых губ,
Которые влекут к себе, волнуя
И — пеня кровь, — лишь смерть — как волхв колдует...
И смерть и сон! — и смертью сон чарует,
И жизнь есть сон, — и смертный — слеп и глух,

33

Так я грустил, отравленный словами —
И жаркими и, бледными — как бред, —
Романами Тургенева, — стихами, —
В которых всех загадочней был Фет, —
И тёмно-соловьиными садами,
И звёздными ресницами — над нами...

34

И — наклоненьем девственных ресниц
Манила Лиза, голову склоняя —
В ряду черниц послушная, немая —
Для мира горестных и злых зорниц, —
О сладкая! о, чувственно-живая —
«Мечта моя!.. Жена моя — святая!..»

35

Жизнь или сон? Так — гордо, под личиной
Скучанья в днях и — в длинных вечерах, —
Холодности в скептических речах, —
Едва не в стиль Онегинского сплина, —
Я грусть мою — в невинности стыдливой, —
Таил — под гимназическим мундиром...

36

И вдруг — ты руку протянул, грустя, —
Кто был невиннее — и кто взрослее? —
Мне чудилось, что ты ещё дитя,
И перед опытом моим немеешь, —
И — слушал я сперва тебя — шутя,
Не думая, что — ты уж мной владеешь;

37

И даже — над твоею простотой
Смеялся и уверенно, и дерзко,
Восторженность оспаривая резко, —
Но овладел ты вольною душой —
Своею волей, — словно не мужской, —
Как бы притягивая — властью женской.

38

Я не забуду чёрных глаз твоих,
Так призрачно и широко открытых, —
Ресницами, как крыльями — прикрытых, —
Как на старинных ликах у святых:
И — тот же очерк лёгких губ, и — в них
Улыбки отблеск, — только — что забытой...

39

И не бывало, что твои глаза —
Не улыбались, детски не сияли, —
Когда улыбкой губы задрожали,
Но и тогда, — как в таинстве печали, —
Они в какие то смотрелись дали, —
Как будто близилась — росла гроза!

40

И голос твой — и сдержанный, и звучный
(Как голос — выразить?.. скажи, — открой!)
Твоей улыбке трепетно — отзвучный, —
Не говорил ли — о стране иной, —
О счастьи райском — в горести земной,
В забвенной прелести мечты — разлучной?

41

Мою мечту увлёк ты за собой,
Когда её ты наконец коснулся. —
Жизнь или сон? за пеленой сквозной —
Предощущать расторгнутый, — иной
Явлений ненаглядных лик живой, —
Нам снящийся. — Очнись! — и я очнулся...

42

Как от дремоты тонкой открывал
Глаза расширенные — шире, шире, —
И вот — мы зрячие — в незримом мире, —
А — в зримом — каждый облик об'являл, —
Что он незримое являет в зримом,
И — с каждым мигом — улетает мимо. —

43

И слово — миг! как будто — уловимый, —
Чуть тронувший дыхание — намёк:
Ты ощутил его — на краткий срок,
Но он — останется, как знак — хранимый, —
Чтобы — шепнуть, что вздох — уже далёк, —
Что — он вздохнул и дышит — недвижимо...

44

Есть в вечности всему отзвучный звук,
Но — каждая черта — мгновенно тает, —
Прикосновеньем несозвучных рук;
Созвучных страстно-медленно касаясь —
И тонкий рай — в созвучьях улетает, —
И музыка — наука из наук!

45

Улавливай-же музыку во всём,
И будешь в истине — доступной духу,
Стремительные простирая руки —
К пронзительно-замедленному звуку, —
Или решай: на мёртвую разлуку —
С поющим Духом, — дух наш осуждён!..

46

Ты рассуди, что дышит — красота,
Что слышит — истина, — и знает — грёза,
И — разгораясь — говорят стрекозы, —
Заслушалась — над озером берёза, —
И ласточка — упала в небеса,
И точит зверь — серебряные слёзы...

47

«Так, значит, зверь ваш — просто декадент!»
И фыркнул бравый генерал лукаво,
И Боклями откормленный, студент
Поддакнул — в голос генералу: браво!
И дамы — рады, — и сложилась слава...
И — «по домам!..» «Исчерпан инцидент!»

48

А — критика?.. — куда была — легка!
Ах, легче — перышка, — как сыпь на теле:
Где соберутся два-три пошляка, —
Сам Аполлон играл им на свирели, —
И в барабан щелкáл, и трелил трели...
Пляши, поэт, — надсаживай бока!

49

И шелестил — в газетах — «божий суд», —
И лепетал, и лопотал — в журналах, —
И разливался — в сладких будуарах, —
И целовался спьяну в ресторанах...
«Глава поэтов — Феофан Иванов!...»
(Пока — ему в глаза не наплюют...)

50

Мы Пушкина собаками травили,
За то ему и бронзовый кумир —
Против монастыря соорудили;
Шекспира в гроб так прочно уложили,
Что и поднесь кряхтит крещёный мир:
Быть иль — не быть? Шекспир иль — не Шекспир?..

51

Сейчас не то: и Совнархоз, и Нто, —
И их же, Боже, имена Ты — веси, —
Готовы с кем угодно куролесить;
И футуристы — никого не бесят, —
А, чтобы не обиделся — никто, —
Всех упихали — в то же — решето. —

52

Красноармеец в праздник ротозеет —
На алые и синие кубы,
Украсившие знатные столбы —
Дворцов старозаветных и музеев, —
И — мыслит: то-то — барские затеи!..
Вчерась круглее, — нонче — попрямее!..

53

Эх, ты — нечёсанная мать — Рассея!
Европа мир поставила вверх дном...
Вперёд, товарищи всех стран, — бойчее!
Что — пташечки? орлами — ввысь взлетели, —
Трамваи — в молниях нам свищут трели!..
И — гол стоит Ерусалимский дом...

54

И — дельно! телеграфным говорком —
Протяжность русской речи заменили;
Стихи — особой фистулой ведём,
За упокой гнусавя панихиды,
А то вдруг: «Радуйся!..» — как заорём, —
Акафисты... увы, — автомобилям!..

55

Кормилица ли в зыбках нас ушибла,
Или таков весёлый наш черед:
От дряхлости — веками изобильной, —
К всеодряхлению — вперёд — вперёд!..
Назад! назад!.. От этой ночи гиблой,
От ночи — воробьиной напролёт!..

56

Под потолком мы паутину ткём,
Приспособляясь к испареньям склепов, —
Или буяним — сжато и нелепо, —
Спросонья врём — о веке золотом...
И — «Жизнь есть — сон», как думал — Кальдерон, —
И — «горе от — ума», как — Грибоедов!

57

Прошло ли нам до мозга омертвенье,
Или плотней сомкнулись камни тьмы, —
Как оголтелые, мы числим звенья —
Тюремных стен, — притомники тюрьмы...
Взошла луна, — и лунные томленья,
И лунный свет, — всё выдумал — Тургенев!..

58

Я знаю — ты меня не обвинишь,
Мой кроткий, — одинокий — и далёкий, —
За сухость слёз на улице жестокой:
Я без тебя забылся одиноко...
Где ты замолк? В какой дали широкой —
Во мгле от всех — грустишь иль не грустишь?

59

Давно погас младенческий твой смех,
Смеявшийся над взрослостью людскою, —
Ты иначе свой строгий строй настроил,
И, может быть, улыбку чтишь за грех...
О, притяни опять — своей душою, —
В свою мечту — возьми меня с собою!

60

Ты бросил нас — ты убежал в леса, —
Тебя приветили раздольем степи...
Как — пали с ног твоих людские цепи, —
Как — ржавчиной покрыла их — роса, —
Как — сладостно вздохнули небеса, —
Как — птичий гам — тебя ответно — встретил!

61

Ты убежал от жалких городов, —
Паучьих снов и удали бензинной, —
От нашей славной европейской были:
Шкапов — битком набитых книжной пылью, —
От пошляков — всех стран и — всех веков, —
На волю вольную — заветных снов. —

62

Бескрайных слов ты услыхал призыв,
Не — наши недомысленные речи, —
Не — наш в пыли коснеющий язык, —
Но — птицами скликаемое вече:
Всех голосов — лесных, степных, речных, —
Всех ангелов — в разгулах голубых!..

63

О, благо — дерзости твоей раздольной, —
И слава — всем зовущим голосам:
Один ты понял — возглас птицы вольной
И — вслушался в сиянье ночи сам!..
Тюрьмы притомники, — вздомёк ли вам —
Вольнолюбивый дух и — богомольный?

64

И понял ты — в мирских просторах, — там,
Где ветер веет утренним лучам, —
Еще верней, еще неотвратимей, —
Как мы должны поверить — райским снам, —
Каким огнистым — мир струится дымом,
Взлетая — к золотистым небесам!

65

Ты помнишь, как учился ты влачить —
В часы и дни, и месяцы — молчаний, —
Пустынную — унылейшую нить, —
Влекущую в тот круг, где ты грустить —
Меня принудил, — властью заклинаний,
Способных душу с хаосом смесить?

66

Как я вверялся — сказкам Андерсена,
Ты — заклинаниям Эдгара По;
Наделал же ты матери хлопот:
Ты всё исполнил до — предельной меры, —
Не — в мысленную бездну — ты поверил, —
Но душу бросил — в огненный потоп. —

67

И сонный яд, — землисто-душный опий, —
Вдыхал и ел и в сумерках, и в днях, —
И, мнилось, рай открылся в райских снах,
Но как — душою райской ты исчах, —
Америке — Востоку — иль Европе —
Сжигая плоть — на жертву — праху — прах!

68

За ним другой — мечтательнейший яд,
Индусов полусонные раденья, —
Рай в небесах — в земных пределах ад, —
Яд восхищал в небесные селенья...
(Кто возвратит тебя земле — назад, —
Не предрешай — смертельного решенья!)

69

Ты вызволил свой чувственный восторг, —
И — как упал на землю, задыхаясь!
Восторг бывалый на устах замолк, —
Лишь пенился безогненный поток, —
Едва мерцал — волшебный призрак рая, —
А человек — поник и изнемог...

70

И — вдруг, — не чайки ли мечту пронзили? —
(Ты помнишь — в оны дни — в Ерусалиме, —
Единодушно мы с тобой грустили?)
И вдруг, — как чайки ошалелый крик —
Над головой! — Огни, огни — схватили, —
И унесли — безогненный твой миг...

71

И властен стал ты — властью небывалой,
Твое молчанье стало — ярче слов,
Как бы — в воде струился пламень ярый, —
Открыл уста — колодец застоялый —
Истёк струями — брызжущих ручьев:
Исток необычайных голосов!

72

Осилено чертовское безверье,
Соблазн всеевропейской суеты:
Молитвам детства ты — на самом деле
Доверился, — и свят — отныне ты.
Зато и назван путь твой — лицемерьем
На наших рынках — злости и тщеты. —

73

Иными признан (горше — лицемерья...)
Благоговейно преклонились — те,
Кто — запирал перед тобою двери,
Когда ты, погибая в тесноте —
Домов и улиц, клялся — лишь мечте, —
Осмеивая веру и безверье.

74

Всех проще — те, кто — просто позабыли:
Что им до пре́данности снов твоих?
Твой девственный, твой дерзновенный стих —
Средь многих книг других — в одной из книг, —
В библиотечной потонул могиле, —
И — чьи стихи кого-нибудь — смутили?..

75

Уют, уют!.. Чтоб чорт его побрал!
Что новый год, — то новый вздор и — пошлость...
Сказать глупцам: что человеку тошно —
От их рецензий лестных и похвал?..
Да — что? уселась дрянь на свете прочно, —
И — торжествует на Руси — пахал! —

76

Блажен, блажен — в пустыню Духом взятый!..
Закрыв глаза, заткнувши уши, — рот —
Набив плотнее — ватой, ватой, ватой, —
Чтобы не крикнуть на прощанье: род —
Несмысленный и — пошлостью чреватый!..
И на простор — из городских ворот...

77

О, благость Божья! Неужели — злоба
Рукою водит — вражески моей, —
И не люблю, как Ты велел, — людей, —
И мне милей — бездумная природа,
И на земле я не имел — друзей, —
И эту злобу — пронесу до гроба?

78

Не буду лгать — я не умел любить,
И, может быть, — уютных — злей и хуже, —
Но — как мечтал я зло разворожить, —
И как его затягивал — все туже!..
Ох, — разорвать!.. зубами раскусить!..
Расторгнуть кровь — чтобы исхитить душу!..

79

Живу себе — как жили и живут,
Ничем от благодушных не отличен, —
И также собственный блюду уют,
И соблюдаю правила приличий...
Так — как же быть? И для чего ж — обычай
Людской обычности мне дик и — туп?

80

Не развязать, знать, бесова узла, —
Не разорвать!.. О, Боже, — силы, — силы!
Забыть, забыть!.. Душа ли не властна —
Зарыть на дно, — сравнять с землёй могильной —
Царей и царств — постылые дела, —
Летописанья дряхлого осла?

81

Не вышлешь Ты меня из городов,
Не выгонишь скитаться по безлюдьям, —
Останусь здесь, — молчать — под общим спудом ;
Умру, как добрый враг среди врагов,
Лукавый раб — средь остальных рабов, —
И Ты — меня лукавого — осудишь. —

82

Пропало всё, что я Тебе писал —
Как письма другу — из страны изгнанья, —
На родину! откуда Ты послал
Меня — на подвиг страстный, — покаянья...
Холодный вздор?.. и всё — одно мечтанье?..
Игра словесная? Игра, игра?..

83

Так вздрагиваешь — пред последним сном,
Но воздух острый — внутрь тебя втекает
И — разливается, и умеряет —
Тот резкий зной, что назван — бытиём...
Дни суетились — рабски — день за днем, —
Рабыня ночь — постель мне постилает. —

84

Ужасно спать — в постели, — как в гробу, —
Еще живым — меж остальных живущих...
Валы гудят, — а я и не гребу —
В моем челне — под свист ветров снующих...
А Добролюбов — машет из-за тучи, —
Платком прощальным — там на берегу!..

85

О, равнодушье ко всему — во всём, —
Заранее — по гроб окаменелость!
И солнце — греет ласковым лучём, —
И звёзды — голубеют за окном, —
Ах, будь, что будет! — радость ни почём, —
Лишь было б тело, коли живо, — цело...

86

Когда всего несноснее — мигрень,
Зубная боль — всех огорчений хуже, —
Здоров-ли? рано тянешься в постель,
А утром — встать не хочется, всё лень, —
И — как лягушки дрыхнут в тёплой луже, —
Приятно — длить земную канитель!..

87

Прости, прости, неведомый читатель, —
Ничтожеством — печаль не назови!
Но, если — друг ты мне, то — Бога ради, —
Не соблазнись, чтоб я себя ценил —
Превыше прочих! Был и есмь — мечтатель,
И захлебнулся — в собственной крови...

88

Ты помнишь; я — безумцев, — в тишине
Монастырей и улиц опустелых, —
Шаги, взывающие к ночи белой, —
Тебе внушал?.. И вот услышь: на дне
Как чётко! клятвы — верные земле, —
Они — в твоем вздохнули — полусне...

89

Ты — Богу клятву передай — мою!..
Не о тебе ли, милый, замечтавшись, —
Неудержимой страстности отдавшись, —
Одни — на уличное дно смотрю, —
И кажется, — что я — на дне остался,
Что — ни себя, ни Бога — не люблю...

И — никому на свете — не пою!
И — всё на век, — невозвратимо мимо...
О, друг, скорей! Приди — в мечту мою, —
О, я зову тебя, — как одержимый, —
Тобой... Клянусь, — что я — тебя люблю!..
Я быть хочу — хочу неутолимо!

ТРИ СПАСА

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

За каплю крови — общую с народом,
Мои вины, о родина, прости!

Некрасов.

1

Воспоминание, умчи меня —
В края любимые, — к надежде милой, —
Где я дышал — ещё невинной — силой, —
Куда мечты меня — ещё манят,
Укачивая тайной бытия, —
Заласкивая счастьем — пред могилой!

2

Тогда сияла — бездна бытия,
Событиями дымчато дразнила, —
И предстоящего я жаждал дня,
Как утомляющей надежды — милой, —
И женственно — жила душа моя,
И собственной мечтой была — хранима...

3

Как нежны деревенские поля,
Когда из города весною в'едешь —
В их одурь сонную, — и — щавеля,
И — кашки, и — ромашки... словно — бредишь, —
И, кажется, затеяла земля —
Венчаться завтра — с солнцем, — на рассвете. —

4

И мнится, — всё свершится в этом лете, —
Всё, что таилось в тайне долгих зим, —
И — девушка обрадуется встрече
И, трепетные взоры опустив, —
Мне скажет — вдруг, что ею я — любим, —
Давным давно — милее всех на свете...

5

Сгорает воздух блеском золотым,
Леса вдали в прохладном изумленьи, —
И — ласточки истаяли в томленьи,
Целуясь долго с небом голубым, —
И — облака (мгновенной грусти — дым!..)
Их обвевают сумраком сквозным.

6

Ещё зеленые хлеба в волненьи —
Как озера струятся у межи, —
И — ветерок навстречу им бежит, —
И — бабочка застенчиво дрожит —
Над их струящейся и млечной тенью, —
И жаворонок в воздухе — висит.

7

Ещё — глубоко сладострастье спит,
Качаясь сладко в зыбках под землёю, —
Еще — до синих васильков далёко,
Ещё — вздыхают ландыши в тени, —
И — веет в поле сыростью лесною...
И — девушка, — сегодня — не придёт!..

8

А вот и — лес. — Я был завеян сном —
Душистой свежестью цветов медвяных, —
Теперь — нежнейшей прелестью кругом, —
Смолистых игл и листьев обаяньем;
Дорога долгая идёт песком, —
Долгушка сонная ползёт ползком...

9

Вот и паром — под крошечной горой, —
И — не опомнишься, — как вниз скатился, —
И — яркою, широкою рекой —
Охвачен с двух сторон, — и — бичевой
Притягивает берег, как — рукой, —
А тот — несётся вдаль... Теперь уж — близко!

10

За той — опять игрушечной — горой
Погост — и церковь, белая, конечно, —
С зелёным куполом, — как сон живой, —
Как нежно спящаяся вечность —
Среди полей и деревень беспечных, —
Обвеянных заботливой душой —

11

То — облачной, то — светлой, то — огнистой, —
Смотря по надобности — по людской...
Не гневайся, пароходик записной:
Опять, в тщете увидясь — городской,
Мы вдоволь наругаемся с тобой —
Осколок скромный — грозных нигилистов!

12

Ты мне родня: не терпишь ты марксистов, —
А я — что делать? — слабый гражданин, —
Не выношу душой — фабричных свистов
И — грохотов, и копотей — машин, —
И не пойму, на кой — нас — чёрт, — бензин
И электричество — несут столь быстро?

13

Нам сельский лад — милей, да и сродней:
Неспешный трус тележки простодушной —
Под стать дремоте солнечных лучей,
Лесов истоме — одури полей...
Не злись, марксист: особенной — послушна
Судьбе, — эпическая наша лень!

14

Под'ехали. Отлогий бережок,
За речкой — только перейти, — мосток;
Кудрявый холмик — или бугорок, —
На холмике — чуть видная избушка, —
Артёмово! Не — барский уголок,
А просто — тётушкина деревушка. —

15

И всё — как было, — год — и не прошел, —
И городские дни — как ни бывали:
И также Тунька, подобрав подол,
На берегу опять бельё стирает, —
К ней зубоскал Тимошка подошел,
За юбку дёрнул и — стирать мешает...

16

Вот увидали: барынин племянник...
Стоят и смотрят; первые не станут —
Но старине да — в пояс, — по — в ответ —
Тимошка руку дружески протянет,
А Тунька — взглянет: также ли одет —
Как — онемясь? «Ох, тóшненько: в кафтане!..»

17

Тимошка раз'ясняет: «Кончил вот —
Гимназию! Студентская тужурка...»
Залаял Гектор, тявкнула Амурка, —
Узнали — лезут, — лижут — прямо в рот, —
С крыльца мелькает тётушкин капот, —
И — то же лето, — тот же — прошлый год!

18

Вот дядюшка — владений здешних царь —
С замашками дворянственного права,
Немного желчный — слишком не лукавый, —
Чтобы гнести рабов своих, как встарь;
А вот и — завтрак ранний: в сласть и в славу:
Паштет с груздями — жёлтый как янтарь!

19

«Садись, племянник! Водку пьёшь, конечно?
Ну, как не пить? Студенческий — закон!...
Что? тётка угощает — молоком?
Смот-гх-и ка, как толкает-гх-укавом:
Нельзя мол: в-гх-едно — действует на печень...
Эх, дамский пол! И мы, как все, — пом-гх-ём!»

20

Как все и помер! в сласть своё откушав, —
Еще до нашей бури горевой, —
И прав, быть может, что жены не слушал, —
Насытив душу радостью хмельной:
Отцы твои — свою проспали душу,
И ты проспал — дворянской чередой. —

21

За сердце чистое и хлебосольство
Помянут все, кто знал тебя, добром; —
Чем плоше был ты тех, кто — ходуном
Интеллигентским, — в рёве городском
Спуёт — ревёт: святое недовольство!..
И — засыпает, — тем же — честным сном?

22

Ты ласков был и с другом, и с врагом, —
Лишь во хмелю — досадлив и докучен, —
С женой ругался, а потом, — размучен,
Честил себя последним подлецом, —
И прожили вы вместе — сон за сном,
Влюблённые друг в дружку — неразлучно.

23

И ты, ему помощница во всём, —
И спать вдвоем — и вместе вкусно кушать, —
Не знала счастья: не было дано
Тебе — дыханья детского подслушать
Под сердцем... Только — мёртвым языком
Болтала ночь и — напрягала уши. —

24

А дни — кружились в вечных хлопотах, —
В заботах, будто бы — и не бессвязных, —
Как будто — новых, с каждым часом — разных...
(Так, — за бессонницей однообразной
Нам день сдаётся — никогда не праздным,
И суета деньская — не пуста).

25

Вокруг тебя мальчишки и девчёнки —
Подростков своевольная семья —
Роилась юно, весело и звонко, —
Невоплощённым призраком дразня:
Так просто, — своего — иметь ребёнка, —
Всем разрешается, — а мне — нельзя!

26

Мы разве слышали твои — рыданья, —
И разве ты — «показывала вид»?
«Спала не важно, голова болит...
Не обращайте, милые, вниманья...
Сегодня — дядя был опять сердит, —
В полях потрава, — просто, наказанье!»

27

Нам всё смешно... Бывало, как шальной —
Шагал наш толстый дядюшка по саду, —
Взад и вперед — дорожкою одной —
Раз по пятидесяти, по сту — сряду, —
Потом — в постель, и — слышно, — за стеной —
Всю ночь тоскует рядышком с женой:

28

«Пшена об'евшись, сдохли индюшата, —
На пустошах — уже покос сгноён,
Паскуда Прошка — каждый год брюхата,
Тимошка — лодырь, как и в тот — сезон, —
С кого возьмёшь?... А рожь еще не снята!..
А — молотьба? А — озима? А — лён?

29

А — деньги в банк? — Справляйся к именинам!
Не приглашать? — Попробуй-ка!... удар —
Для гордости и чести — дворянина:
Что скажет предводитель — Вязьмитинов?
А — председатель? да уж черный шар —
На земских выборах, — как пить дать, кинет...»

30

А тётушка в ответ — всё «нет, да нет, —
И Родионов то — подлец известный, —
Какой он — председатель? не секрет, —
Что в недород поставил хлеб бесчестно...
И — что тебе до болтовни уездной?
Лишь кликни, — и прискачут — на обед!..»

31

Нет, не — прейдёшь! уж так оно ведется, —
Нам этой винной были — не избыть, —
Сосед к соседу по соседски — жмётся:
С волками жить — по волчьи выть!.. И — пить!
«Вы — к нам, мы — к вам!..» — Наследства не — делить!..
А — одинёшенек, — кто не сопьётся? —

32

И уж умели же — и пить, и — выть!
Не — пёсьи, и — не кошачьи ухватки —
Мещанской иль торгашеской повадки:
Открытый дом, открытый аппетит, —
Гостеприимный стол всегда накрыт, —
Чуть напились, и — режут правду-матку!

33

— Теснить крестьян? не то, чтобы тесним, —
Нажать нажмём — при помощи поборов, —
И — вытурим, без — дальних разговоров, —
Того, кто лезет — с копельком пустым...
На заседаниях — всемерно спим...
Дороги скверны? — ездим в безрессорных! —

34

Над городом уездным — благодать
Бездвижная — времен Екатерины;
В судах — всё та же — взяточная стать;
Купцов, понятно, — должно — обдирать,
А половому, — можно — в морду дать, —
И на чаи — все тот же пятьалтынный...

35

Далёкий сон!... Радищевская Русь
(Тургенева — блаженнейшие вздохи),
Кто над тобой ни причитал, ни охал:
И уж дороги то — из рук вон плохи,
И по присутствиям — гуляет гусь,
И все мы — байбаки, да лежебоки?

36

Что ж? канула помещичья Россия,
Как камень ко — дну, — больше — не вернёшь!..
Довольно нас честили и хулили, —
И — каялись, и — трижды хоронили, —
И вновь над прахом милым голосили...
И то — и сё, — и все на свете — ложь!

37

Пускай, — последыши дворянской братьи,
Коли она — хоть где-нибудь — жива,
Ещё зовет себя, зевая, знатью, —
Её душа — давным давно мертва:
Над мёртвыми возможны ли — проклятья, —
Достойны ли и — бранные слова?

38

Спи мирным сном, дворянский грешный быт, —
Настолько ж грешный, как и наш, и — всякий!
Царём ты — грозным был у нас повит,
Петром — крутым крещён — в кровавом мраке, —
Но кто ж из прочих — кровью был не сыт:
Кто не отмечен был — растленья знаком?

39

Кто не был — раб? кто — братски не тесним?
И кто был — добр, — и кто — мечтой свободен, —
И, человеческих исполнен сил, —
Кто — человечески был благороден?..
Сын революции, — не будь же злобен,
Как злобен был — купец иль дворянин!

40

Да, может быть, — я — жалкий гражданин, —
Гражданской скорби не знавал, — покаюсь;
И — не признаю: мне всегда сдавалось, —
В ней — тень старинной барственной хандры...
Народной сути резкие начала —
Глубинней нашей умственной игры!

41

И я остался в доле городской,
Её хуля — кляня — и презирая, —
К земле — неутолимою душой
В изнеможеньи страстном — приникая...
Земля, земля!.. люблю — не понимая, —
Что значишь ты — над нашей суетой!

42

«Живу средь книг, вдыхаю — пыль глотаю, —
Вникаю — в отвлеченья и слова...»
И — яростной мечтой — к земле взываю, —
И мне вздыхает — неба синева, —
И солнца тёплого — земле сиянье, —
Как радость райская и — обещанье...

43

Народ, народ!.. — Природа! приникаю —
К тебе... И, если он — твоё лицо, —
Ему отдамся — как завету рая,
Завещанному на земле Творцом, —
Но, если — нет, — бегу... храню свой дом —
От раз'ярённости — его восстаний!

44

Мы исказили ясное лицо
Природы милой — страстный облик Божий, —
Не позваны на свадьбу — и кольцо
На городских забыли бездорожьях, —
И — гулко ищем — и найти не можем...
И — не венчаться нам — Его венцом? —

45

Народ — дитя? народ — ещё не вырос?..
Или — уже растленное дитя?..
Я из России не творю кумира, —
Но я не верю, чтобы — так грустя, —
Как мать Твоя — над нашей синей ширью, —
Покинул нас Ты — на бездолье — в мире...

46

О, — никогда!.. Быть не — должно!.. не — будет!..
Ещё одна — бездольная волна
Прибудет и — несдержанно убудет, —
И — будет вновь душа вознесена —
К Твоим чертогам, — к неизбывным судьбам,
Где станет вновь — воистину вольна, —

47

Над запустелостью, над гатью зыбкой!..
Я верую: свершатся времена, —
И в золотых — Ты снидешь — семенах:
Да, станем мы — во век Твоя страна, —
В Тебя влюблённая — Твоя жена, —
Твоей — благословенная — улыбкой!..

48

Воспоминание, куда, куда —
Умчало ты, в какие прорицанья, —
Мою печаль — мои недосяганья?
Ты обещало — сон мой разгадать, —
О, разгадай! восторг — душе отдай:
Она — твоим покорна — навеваньям. —

49

Что деревням безверья-городов?
Не суетись, народник!.. Суеверья?
Нет! чаянья — незримейших веков,
И тишина — бесслышнейших шагов, —
И ангелов — рассыпанные перья...
Зри в словарях: народные поверья!

50

Как и досель — никто из городской —
Народолюбческой умильной — братьи —
Не различил за городской чертой:
Не — слепоты, а — точные понятья
О существе, о полноте мирской?..
Все просвещали — в гордости собой!

51

Всех неотвязней и пустей — Толстой,
Плоды — топтавший буйно — просвещенья, —
Отвергнувшийся доли городской, —
Поборник небытийного смиренья, —
Что он узнал в народном разуменьи?
Что — не по нём, — все — ложь, да — суеверья!

52

Мы — под шумок — народствовали все,
Особенно — когда пора на дачу, —
Когда природа в девственной красе —
На миг один и — город озадачит...
Нет, люди добрые! пришло иначе —
Решать, чем воля сельская — ясней, —

53

Кому — верней, — и перед кем — правей?
Ясна — не только прелестью приволий,
Раздолий мирных или своеволий...
Где и когда — не злобствовала воля? —
Несытая и сытая утроба
Чья не алкала, — крови и страстей?

54

Как быть? не ад — да и не — рай земной, —
Всё те же грешные людские воли, —
Но есть иное: мёртвостью сухою, —
Или обратно: мёртвою водою —
Не упразднённый, — Лик Земли живой, —
Не — городам являемый, но —сёлам.

55

Да! забавлялись вдосталь — города —
Занятными народными бытами,
Приметами, исполненными снами,
Волшебством напоёнными ночами, —
Как баснями блажными... «Ерунда...»
«Всему своя, мол, в мире череда!..»

56

«Не к первобытным же припасть годам, —
Не в романтические — впасть умилья!..»
Не припадайте, — не впадайте!.. Сам
Народ — не примет вашей тусклой были, —
Но — дети революции, — к мечтам
Неслыханным — свои подымут крылья!

57

Чем искони легки были поля,
Земля рабочая в ноту и грёзах, —
О чём звонили ей колокола,
А древле молнии вещали в грозах, —
Одна — Христова истина! Светла, —
И вольностью, и тайной — весела!..

58

И — тёмен был, но — не был глух — тот род,
Который мы так злобно захулили,
А — на прощанье, — вздохами почтили;
Не он, — но крепостной ему — народ, —
Господствовал над ним — душой, и вот —
Вселенской правды — от земли вкусили!..

59

По праздникам ходили все к обедне, —
И дядюшка, и тётушка, и — мы,
Забыв атеистические бредни,
Как чад и плесень городской тюрьмы:
В свечных сияньях — в голосах молельных, —
Яснели наши детские умы. —

60

Пред сумрачным иконостасом древним —
Немудрый попик — не святей других, —
Как заучёный без вниманья стих —
Твердил слова премудрых и святых —
То жалобно-молебно, то хвалебно, —
И внятен был — напевный их призыв.

61

Когда же настежь — вдруг — Врата открыв, —
Над головой взнеся — Дары святые...
Не — в золоте свечей, — но там! в иных —
Лучах! нам мнилось, — мы уже светились
И — херувимами Отцу молились, —
Пав на колени — голову склонив!..

62

Что за беда, — что скорбный Пров Ляксеич —
(Дьячек и хор, и служка — за одно)
Тянул и sol, и до — без различенья —
Что выпелось — хоть la, — не всё ль равно?
(Да и года!..) а при конце обедни —
Просфирку вынимал нам — «посытнее?»

63

«После обедни — к батюшке, — откушать...»
«В дорожку! — и дойдёте веселей!»
И матушка — еще прямей и суше,
И личиком сухим — ещё темней,
Чем поп Иван (от дюжины ль детей,
Или от грусти, — в сорок лет — старушка)

64

С улыбкой — страсти, затаённо робкой, —
За стол сажает «дорогих гостей», —
И всё как — дома: малость — попостней,
И рыжики — как будто солоней,
Зато листовка — старше и пьяней, —
И мёда слаще — пирожок с морковкой...

65

По деревням, — что ни изба — крестины, —
Все та же Русь, но там — уж пир горой:
Там, — зелено — вино без мешанины —
Захлёбывают щами с солониной,
Да пирогами с просолёной рыбой, —
Всем, что на праздник скоплено зимой!..

66

По будням — воздух напоён дремотой,
В полях двуколок стук — тяжёл и сух, —
Разит позёмом за версту и — потом, —
Дремой долит назёмная забота, —
Но в праздник — воля! ото всех — докук, —
Лишь в воле — праздник: в праздник грех работать!

67

Не по нужде — — идут толпами к «ранней»,
Принарядясь, обувши сапоги, —
Кто позажиточней — и припомадясь:
— Как в церковь не ходить? — не басурмане!
Как службы не любить? — не дураки!
Да — разве есть на свете что — желанней? —

68

Такими ли словами я сказал —
Земельную и умную святыню?
Конечно, нет, — не тот — души закал!
В деревне все мы — точно на чужбине:
Живописуя сельский идеал, —
Не притчу ли творим — о блудном сыне?

69

Но — ты, читатель мой, — меня поймёшь
(Неведомый, неведомый далёкий!) —
Славянофильских умилений ложь —
И мне чужда, как и тебе, — глубоко, —
Но я грущу — о правде той широкой, —
Куда — ты, правнук мой! меня зовёшь!..

70

Утеряна в Российских городах —
Святыня правды, — сердце заревое:
Земля убита под булыжным слоем,
Дух погибает в каменных стенах, —
Душа, душа!.. сознанье всесвятое, —
В неосквернённых городом, — полях!..

71

За той чертой — заклятой навсегда —
Ещё цветут поля и золотятся, —
В них та же — солнечная череда,
И так же царственно — они святятся,
Как в те — благословенные года,
Которые им, зацветая, — снятся...

72

Весь мир — как таинство!.. как — разуменье
Судеб земли: и солнца опаленье,
И трудовое плоти истомленье, —
Позём и хлеб, полям кровавый пот, —
Да уродят они и в новый год —
Всё — плоти нужное, — на утоленье!

73

Не рассказать мне вдохновенной сказки —
Той, что земля — волшебница поёт —
В ответ душе! Как таинство — весь год, —
От жаворонков до медвяных сот:
Но календарь стенной, — солнцеворот —
Живой: живой, — бессмертный и — прекрасный!

74

Едва не каждый час — мечтой отмечен,
И каждый день святыми Богу свят, —
Явленья воздуха — ясны далече —
Приметами заранее гласят:
Недаром — теплятся иконам свечи,
Колокола не попусту — звонят!

75

И труд — обряд, — и праздник — что обряд, —
Но праздникам большим — еще обрядней:
И веселей, и жарче, и нарядней —
Как солнца — свечи по церквам горят, —
И — солнечней колокола гудят, —
И лица девичьи — еще приглядней!

76

Какой наряд — наряднее, чем бусы, —
И алых лент — и ситцевых платков? —
Изысканней — всех заграничных вкусов!..
И что прекраснее — головок русых
Средь васильков и зелени лугов, —
Благообразней — русских мужиков?

77

И — крестный ход!.. душой быть надо — злобным,
Чтобы к нему — хоть вчуже — не примкнуть:
Пред ним — кто смел — с дороги не свернуть, —
Когда несут Владычицу?.. Вся суть
Здесь — правды — и вселенской, и — народной...
Да, — свят проложен миру — сельский путь!..

78

Среди полей — под благовестный звон,
Когда с землей печаль — еще роднилась, —
Пригрезился мне — некий мирный сон:
Что будто — вся рабочая кручина
Полей и сел, — вся движется к одной —
За Спасами тремя — Пречистой Силе;

79

Что вся страда и — разрешится в них, —
Как будто в них то, именно, всё дело, —
Как будто ими было — лето цело:
«Три Спаса!» — чаючи плодов земных, —
Твердит, томясь, крестьянин, — как жених,
Которому невеста — повелела!

80

Что значит первый? что — второй? и — третий?..
Что знаменует — колокольный звон?
Но — стар и млад, — и взрослый люд, и дети, —
Уверены, — что — совершится сон, —
Тот, что свершился — и в прошедшем лете:
Таков, знать, Божий — по земле — закон!

81

И знают крепко: — в Первый — водосвятье —
И разрешенье на сотовый мёд;
Второй — и веселей, и благодатней, —
Благоуханным яблокам черёд;
А в Третий — проще, да куда — отрадней, —
Хлеб яровой — хозяйка испечёт. —

82

А им вослед — и вечер года ясный,
Всеисполненье земельных дней:
Восторг и грусть крестьянских дочерей, —
Разгул медов и яблочных припасов,
И пряников малинных... Всех трех Спасов —
Венец, — Покров! — всех праздников хмельней!..

83

Не раз'ясню, — как сталось, не пойму, —
Как эту притчу я — себе присвоил, —
Но каждый год, — милуяся с землёю,
Мечтой вручаясь страстной сельской доле, —
Я предавался счастью своему,
Мне снившемуся — в городе — зимою. —

84

Я грезил так: не станется ль со мною
Всё — как и в сельской трудовой судьбе?
И я был раб, — мечте, — трудясь душою, —
И хлеб насущный добывал в алчбе:
Три Спаса совершатся надо мною, —
А в осень дней — Покров меня покроет!..

85

Сбылось иль — нет?.. Но — песнь моя к концу...
Боюсь, что ты, мой современник кроткий,
Не в добрый час — меня и свистнешь чётко
(То есть — газетной отстегаешь плёткой, —
Какая же другая — нам к лицу?)
— Не пой, мол, гимнов — всероссийской водке!

86

Ни крестные ходы не убедят, —
Известно: все от мала до велика —
Пьяным пьяны с утра... А чем — поят
Кормилицы у нас грудных ребят?
Нашёл — вселенского мерцанье Лика
В стране рабов — глухой и полудикой! —

87

Молчу, молчу, достойный современник, —
Покамест... отняли у нас вино, —
И — в полудикой и глухой деревне,
И — в просвещённой доле — городской!..
Вернуть? — закатимся, товарищ, — в «Вену»„ —
Закажем устриц, — выпьем по восьмой, —

88

Заньём десерт душистой марсалой,
Шартрёзом кофей загустим зелёным, —
И чокнемся за то, — чтоб ни в какой
Деревне — полудикой и глухой, —
Ни в просвещённой доле — городской, —
Не смел — сивухи дуть — народ крещёный!

89

Зарёй, — покинув кабинет отдельный, —
Развалимся в воздушнейшем авто
И — понесёмся... Боже, — неужели —
Не возвратится снова время то, —
Когда — мы пьяные ползли — к постелям,
Откачиваясь сельтерской водой?

90

Да, — знаю, знаю — и сейчас возможно!
Лишь стоит — тысяч до ста заплатить —
За склянку спирта, да с водой смесить, —
А — закусить?.. мороженной картошкой!...
Фу, замечтался!.. Вот что значит — спирт
Пить — пополам с водой, — по чайным ложкам...

91

Прощай, товарищ! Дурью петербургской
Не залучишь! — «Неисправим, — хоть брось!..»
Я буду — там: где — чётко дышит утро,
Где — лоснится под ветерком овёс, —
Хмелеет — рожь, — а над травою гулкой —
Взлетают молнии июньских гроз;

92

Где — обручается с землей волшебной
Вольнолюбивый деревенский труд;
Где — водку, может быть, — и реже — пьют...
Где пламенеет благовест — рассветный, —
И — в крестный ход струится — вздох заветный:
«Пречистую, Пречистую несут!..»

ИЛЬИНСКАЯ НОЧЬ

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Я тень зову — я жду Леилы
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
Пушкин.

Прошли и стали тени ночи...
Полонский.

1

«Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело — как смутное похмелье;
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе — чем старе, — тем сильней»...
О мудрость — пред последним новосельем,
Пред новосельем сумрачных теней!

2

Угасло безвозвратное веселье,
И тяжело усталое похмелье, —
Но что пьяней — вина бывалых дней?..
О — да, чем старе — тем сильней, сильней, —
От забытья в блаженной колыбели
До забытийного — в гробу забвенья!

3

Еще до смерти — в грусти усыпленье, —
Уныл мой путь — не радует и труд. —
Часы — идут!.. Бежали — в истерпенье,
Не думая, когда их заведут, —
Теперь, завёл иль нет, — всё отстают —
Чуть тикают, чуть маятник шевелят...

4

Воспоминание, умчи — назад!
Увы, ты мне не всё пересказало,
Что память суеверно собирала —
В своих тяжелых закромах... Твердят,
Что будто — вырабатывает яд
Душа — на дне своих очарований. —

5

И Пушкин, ропща горевал: Змея, —
Змея — горящих в сердце — угрызений!
Другой — вздыхал: да, — сердце утолят —
«Остановившиеся ночи тени»...
Ах, я зову: верни душе назад -
Мир, улетающий — в толпу видений!

6

Не разрешённые — вздыхают почи, —
Мне голос их рыдающий — родней
(О, нет! не тем, что — радости пророчит!)
В неутоленьи — горестных страстей...
Все кончено. Я на закате дней, —
Уже отпел — «вечерний блеск огней».

7

Я вглядываюсь в ночь по старине,
Я вслушиваюсь, сердце напрягая, —
Спать не ложась, стою и жду, мечтая, —
Перед постелью тяжкою моей. —
Ночь, разскажи сама! Воспоминанья
Пусть слушают тебя, — как сон во сне!

8

Я к двери подошел — моих вздыханий...
Чу! тишина... Пойдём! не скрипнет дверь...
Мечта, мечта! Жена моих желаний, —
Куда ты поведешь меня теперь?
Как странно — вновь вдвоём! Луны дыханье
Я так любил! о наконец — поверь!

9

Скажи сама, тебя ль я не желал?
Какой другой красавицей пленялся?
Ты — убегала! Лишь — воздушный вал,
Который для чего то расплескался —
И с морем снова навсегда смешался,
Но отзвук — долго в скалах не смолкал...

10

Ах, ты жива! ах, ты ещё жива!..
Переживёшь ли ты мой смертный облик?
Что мне грозит? глухая скорбь ли — гроб ли?
О, страшно быть, когда душа мертва!
Ты дышишь! ты светла... но вздох мой робкий —
Ещё летит к тебе — едва, едва!

11

И ты не слышишь чёткие слова:
Они безбрежною распались пеной —
На берегу, где плачет облик бледный, —
Пловучие по ветру — острова...
Моря (ты знаешь?) вяжут кружева
И — распускают, — там — в дали мгновенной!

12

И хлещут — волны на́ берег слова, —
И разливаются в пространстве пеной...
Ещё рассказывают: трын-трава
Растёт — цветёт в степях каких то белых...
Ещё есть образ: будто голова —
Горит, а сердце плачет — пред изменой...

13

Пойдём, пойдём — в Артёмовский наш сад,
Найдём — давно истлевшую беседку!
Мы видимся с тобой сейчас так редко,
А тени лунные ещё горят, —
Как и тогда — как в то, — ты помнишь? — лето,
Когда мы радовались, что лучи манят.

14

Ведь ты и есть та девушка рассвета, —
Земля в росе... Ах, разве в серебре
Росы — не ты была на бал одета, —
Земля моя, невеста? — о, ярчей —
Всех, что играли — солнечных лучей, —
Когда ты улыбнулась мне — в то лето!

15

Платком зелёным кто тебя накрыл,
Кто золото волос твоих рассыпал?
Не выдержу мерцаний золотых!..
А помнишь? как в ночи дышали липы,
Когда я напевал тебе молитвы, —
Как блеск зари — любить меня учил!

16

Всему своя — певучая чреда,
(Как и отцы, и матери — грустили)
Гадай о счастьи, трепетно гадай,
Пока не рухнет влажный сгусток пыли —
В приуготовленной всему могиле...
А ты умчишься, лёгкая, куда?

17

Сейчас — желай! среди полей вздыхай!
Погост — на миг цветами луг заросший, —
Живя, гостишь! к земле приехал в гости:
И ублажит — и приютит в постель...
Вот соловей — запел в вечерней роще, —
Esti-ли einai или panta rei?...

18

Сегодня вновь, — в об'ятиях ветвей —
Мы встретимся — на старенькой скамейке;
Ты мне сказала — полусловом — мельком,
Что ты придёшь... Точнее всех речей —
Условленных... И я уж жду. Скорей —
К моим рукам, устам — к душе моей!

19

Ты вся была в огне ночных лучей,
Змеёю жаркой в косу заплетённыхъ —
Твоих волос — особенных — червонных, —
Под солнцем — в золоте его огней —
Рассыпанных по белизне плечей —
Лучами лунными — в игре теней!

20

И были как вода — твои глаза,
Как волн бледно-зелёное мерцанье, —
О, никогда ни разу не гадал
Я по глазам — с таким недосяганьем,
Не разгадал! не мне — ты просияла, —
Ночей склонённых — лунная гроза!

21

И сколько девушек — дотоль я знал,
И скольких глаз — я ведал обаянье,
И сколько девушек — потом желал —
И в их глаза входил моим желаньем, —
О, я в одних — твоих глазах — узнал:
И вольный рай, и райское изгнанье!

22

Заворожённые — в ночах встречались:
Ты — властью не моей — увлечена, —
Я — лишь твоей — молился, восторгался;
В реке струилась яркая волна,
Струям воды горючей отдаваясь...
Я был — один и ты была — одна.

23

Я целовал — во сне! твои колени,
Я приникал к устам твоим — во сне!
Мне мнился сон: лучи твои светлели,
Как волосы в небесной вышине, —
Я лепетал о явных наслажденьях —
О тайнах — там! рассыпанных — лучей!

24

И — ночь за ночью — ты, раскинув пряди
Своих лучей, — лежала предо мной
И в душу лунную — влеклась душой, —
И всю мечту мою — взяла с собой, —
И с той поры — живу я над землёй —
Как разлучённый! над землёй — мечтатель...

25

И не умел я с той поры прилечь
К ничьей груди, к ничьим сосцам молочным;
Ты увлекла меня в тот круг порочный,
Куда я сам молил меня — увлечь, —
Ах, разве мог я душу уберечь?..
Я поклялся сиянием — полночным!

26

И ты — безвластная мне отдалась,
Не лунным — предаваясь обаяньям, —
И связь твоя с луною — порвалась;
Но ты вступила в круг — дневных блужданий, —
И холоден был свадебный твой час —
В исходе августа — на увяданьи.

27

Хрустальные — стояли, правда, дни,
И вечера играли — лучезарно,
(Как Тютчев соблазнял и — соблазнил, —
О, демон юности моей опальной!)
Но лучезарней и — ещё янтарней —
Утра́ — почти в безлиственной тени!

28

И яблоками душен был наш сад,
И — опадающей листвы шептаньем...
Да! я вливал — неутолимый яд:
Свиданий, разлучающих — желанья, —
Разлук, неутоляющих — свиданья, —
И душу связывал — разлучной тайной!..

29

Года неразрешаемых страстей,
Дни одиночества в рабочих бденьях, —
Ночей томленья — на одной постели, —
Считай же! Триста шестьдесят пять дней —
Ночей, ночей!.. О, Господи, моей —
Усталости! Неделя — за неделей!..

30

В кружеиьи дней — была женой моей,
Домашним снам — ни в чем не изменила,
В ночах — мерцая золотом лучей, —
Тех лунных — разлучающих — ночей, —
В которых ты меня не полюбила
И — стала матерью моих детей...

31

Я расставался с юностью моей —
Тобой восторгнутый — с тобой венчаясь:
С неудержимостью прощаясь дней, —
Безудержностью чувственных ночей, —
С ненасытимой жадностью страстей, —
К тебе одной — бесчувственно — склоняясь.

32

Всё побледнело — под твоей луной, —
Я чуял — кровь неслась к твоим мерцаньям, —
Твоих волос — неявленным сияньям, —
И стала ты — единственной — мечтой
Моих — ненасытимейших — желаний, —
Моих желаний — и моих рыданий!

33

Всё утонуло — в сумрачной крови
Каких-то — золотистых вожделений,
Как будто — лунные бродили тени...
Я — страстность скрытную твою любил,
Которую таила ты — в тени, —
Удержанной и — утаённой неги, —

34

Которую, — кому ты — берегла?
Кому, — ещё ни разу — не открылась?
Какая, — лунная — таилась мгла,
Какая, — ночь — не сумрачно жила?
Но — та, — что выкликает и могилы, —
Чтобы — воскреснуть, — выгорев — до тла!

35

Кому, — кому — ты негу отдала?
Ах! я рыдал: тебе — в тенях погибнуть;
Я испытал, — что не во мне — ты вспыхнешь, —
Но я — мечтал, как бешеный, — забывшись
У ног твоих, припав к твоим рукам, —
Чтобы — другой упал к твоим губам!..

36

Чтобы и ты — бессильно задрожала,
Чтобы, разлив свой чувственный огонь,
Луна не — вешним обликом дышала, —
Чтобы луна — июльская — сверкала!..
Ты слышала — как сдерживал я вой, —
Звериный вой, — когда ты — отдавалась?

37

О, я боюсь! я снова, как хмельной, —
Пред Знаменьем — перед твоей иконой —
Начну рыдать и — биться головой
В холодный пол, — и пьяный, и смешной —
Своею... чем, — скажи? — над чем — порой,
Смеялась, — чувственной тебе — душой!..

38

Я не коснусь твоих — предубеждений
Против всего, что было мне — мечтой, —
Твоих не трону грустных — заблуждений ;
О, я не вызову — несчастной тени
Того, кто — целовал твои колени...
Я буду — плакать долго над тобой!

39

Я буду плакать — до твоей могилы
И — за твоей могильною чертой, —
Я буду — т а м — тебя жалеть, как — ныне, —
И, если раньше я умру, — с собой
Я унесу печаль моих — бессилий
И твой — несбывшийся! — июльский — сон! —

40

Но я упал — в бессильнейших бессильях, —
Но я давно несознанно живу —
В бессонницах и — снах, что на яву
Мне снились — в дни таинственных уныний,
Когда я мальчиком мечтал — невинным, —
И — грешен стал, — и те же сны — зову!

41

Я полюбил тебя, как райский сон:
Мне — снился рай, и рай мне не — явился, —
Он только издали — в лучах томился;
Я сном сражён — я сном заворожён, —
И перед сном — навеки преклонился,
И брошен был — тщете на произвол. —

42

Ах! я не мог жить — сжатой пустотой
Людской тщеты, — докуки человечьей, —
Поверь, поверь! — мне снилась — только вечность, —
Да! только образ вечности — живой, —
Весь чувственный, — и — с девственной душой —
И — с кровью алой, и — в истоме млечной!

43

И, — головой биясь перед иконой, —
Молясь за душу бедную твою,
Я изнывал — истаянный, влюблённый, —
Как будто счастье бросил — в том раю, —
В час памятный — изгнанья! — и как сонный, —
Луной смущённый! — лепетал: люблю...

44

И верен был — все той же власти страстной,
Которую — в тебе я потерял, —
И как искал — везде — во всех — напрасно!
Но я — искал! — я быть не мог — безвластным:
За сумраком настанет — вечер ал, —
Коли отказано мне — в дне прекрасном!

45

И — вечера сменялись вечерами,
И — ночи бледные неслись во след,
Зелеными сияя небесами, —
И — медлил их необычайный свет, —
Над городом — бесцветными домами —
Над каменной Невой и — площадями. —

46

И — сколько раз, — вздыхал я над полями
Раздолий вольных — русских деревень;
Меж тесных дач — над тихими цветами;
И — сколько раз — над сколькими песками, —
И ласковых, и пасмурных морей, —
В лесах Финляндии — над озерами!

47

И — сколько раз, — утра — благоухали,
И — солнца, — красный обнажали шар,
И — дымно полдни в облаках, — сгорали, —
И — вечера, — струили свой пожар,
Под тучами порывисто вздыхая —
И лоно вод лучами — обнимая;

48

И — тьма была, — и — выси голубели,
И — ночи, — звёздную роняли кровь;
Твоя луна — как в девственной постели —
Спала под тучами и — гасла вновь, —
И ей была созвучна лишь любовь —
Твоя! — и звёзды перед ней — светлели...

49

И — было так: смотрел я в звёзды долго,
И в голубых — забылся я лучах;
Я слышал высь — до крайнего восторга, —
До одиночества — на всех путях, —
И — вдруг я вспомнил: тех очей тревогу —
Я в чьих то девичьих, — встречал очах. —

50

И мне — они — почудилось, — глядели
И в нутрь мою — и в мой погибший рай;
Они во мне, мечтая, голубели, —
И — девушка сказала мне: отдай —
Мои желания!.. И — в исступленьи —
Я, к ней припав, — на звёзды загадал!..

51

Я рассказал в другой — ночной — поэме,
Как я — и звёздный сон мой потерял, —
На берегу морском, и как я звал
Его назад — из тёмных колыбелей, —
Костры сжигал и — берег обнимал
И — в волны отплыл, — и блуждал — смертельно;

52

Как мой корабль — в лицо зари пылал,
Как я в зарю — поверил и влюбился, —
И парус — призрачно в огне светился...
И я — забыл: закат ли — отгорал,
Или — в час утренний! был — вечер ал, —
И — очарованный — в волнах носился, —

53

И все восторженней — куда стремился, —
И душу сонную топил — в волнах?
Вокруг ли огненной земли — кружился?..
Меня манил — огонь на высотах, —
И я не знал, — что значит — бледный страх, —
И всем звездам — бесчувственно — молился;

54

И лунною мечтою позабылся —
И волю вольную — уже вкушал...
О, — если бы тогда я — возвратился, —
К порогу покаянному припал!..
Но — с золотой луной я распростился, —
И душу бросил — в тот, — девятый — вал!..

55

И стало вдруг: всё пусто — и давно, —
Как будто я — на свет и не родился, —
Как будто страстным миром — не пленился
И в лунный блеск — ни разу не влюбился, —
И стало всё, — и грустно, и смешно...
О, странник, странник! — возвратись, — домой!..

56

И, к берегу пристав, — пал на крыльцо, —
И ждал... Прощенья! за блужданья крови —
В звездах, в огнях, — в лучах, — во вздохах — моря, —
Глупец! под брачным — безлюбовным — кровом, —
И — в тёмное я заглянул, — лицо...
Да, — я был жалким и смешным — отцом!

57

Так, — всё прошло... Был — недостойным сыном
И — мужем — также недостойным, — стал;
Как света лунного — недостижимо, —
Безчувственно жены своей желал, —
И умираю — ею не любимый, —
И слабодушным был я — гражданином!

58

России — как любовницы — алкал, —
И, солнечной мечтой воспламенённый,
В её полях возлюбленных вздыхал, —
Любил её и звоны, и иконы, —
И верно, снов её не разгадал,
Как блудный сын — и, странник незнакомый...

59

Зачем же падал — в лунную мечту,
Зачем же в круг вступал её — порочный, —
И — в синюю влюблялся высоту, —
И — в звёзды девичьи смотрел, — как в очи?
Зачем — в морях измерил глуботу —
Неисследимую, — вселенской ночи?

60

Что ж делать? так, знать, было — решено:
Отец был — немец, — мат из немок — тоже, —
На немке и — женился, — и негоже —
Лезть на-стены, на русские!.. Смешно?..
Есть и ещё — мораль в сей басне сложной:
Жены своей не называй — луной!

61

Смеюсь и я... потом — грущу безбожно, —
Потом — молюсь в бессоннице пустой...
О, мальчик мой! пойми мой сон — не ложный, —
И не посмейся — над моей судьбой, —
И, если молишься ты, — да — поможет
Тебе — Пречистая: будь — чист душой!..

62

И — дни идут, и — тикают часы, —
И ждут, когда их заведут исправно, —
И — дни бегут так сумрачно и — явно,
И — ночь за ночью никнет... И — забавно, —
Порою думать, как я прожил: пьяный —
Одним дыханьем, — чувственной — мечты!

63

О, ты, склонись ко мне, — моя печаль, —
Надежда — подошедшая в пустыне;
Не плачь, что — лунная взмахнула даль,
Не зарыдай — перед моей могилой!..
Твоей любви — твоей заботы милой —
И молодости, — мне — безгрешно — жаль!

64

О, не грусти! я знаю ты со мной,
И ты меня — вовеки — не покинешь, —
Ты — над колодцем ласково постой —
Как тонкий воздух, длящийся в пустыне, —
Надежда — за вечернею зарёй:
Не розовой — не алой, — светло-синей!..

65

Не плачь! с тобою мне легко — грустить,
Ведь ты светла — мечтою неповинной, —
Я сам хотел — тебя с собой сдвоить,
Чтобы — безвольнее тянулась нить, —
Перед не дальнею моей — кончиной...
О, тихая, — водою — напои!

66

Любимый призрак... странник искони —
Воды алкает сладостно напиться, —
Или — в укромной пальмовой тени —
Хоть кратким сном, — под вечер — освежиться:
Ты знаешь — мне заказаны пути, —
И в дом родной — нельзя мне, — возвратиться!

67

Мне — некуда из рук твоих уйти,
Сестра души — любовь моей печали!
В монастыре-ль — сойдутся те пути,
Которые мне ноги изнуряли?..
Но мне — и до ворот, — не добрести,
Да — и молитвы грешные, — упали. —

68

Не разрешу судьбы своей никак, —
О, если бы хоть — звуки потрясали!
О, помоги, чтобы они — вздыхали, —
Чтобы они — рыдать не перестали, —
В тот лунный — невозвратно лунный — мрак, —
Чтобы в ночах моих — не отзвучали!..

69

Ах!.. если бы: тебя я повстречал —
Среди полей, — в те годы, — в те столетья...
(Мне чудится, — средь них уж я бывал, —
Что я живу — давнымм-давно на свете, —
Любил я — Лизы кроткий «идеал», —
В тёмно-серебряном моём рассвете!)

70

Ах! я души твоей бы — пожелал,
Средь послушниц тебя бы я — приветил, —
Из под опущенных ресниц — заметил —
И молоденким по́свистом — ответил, —
И ключ к дверям бы крепким — подобрал, —
И на лихом коне — умчал бы, — в степи!..

71

Или, — один из городских парней,
Кому с измальства дома не сиделось, —
Приехав на побывку, — на селе —
Видал как ты проходишь — всех грустнее,
А жнешь — спорее, — и уж как — зарделась,
Когда он к жниве подошёл — твоей!

72

И все забыл — соблазны городские,
Как навожденья вражьи позабыл, —
В глаза глядел любимые, родные —
Да любовался взором голубиным...
А на Покров бы нас и — поженили, —
И — уж любил бы я тебя, — любил!..

73

Расстанусь ли с тобою? Никогда!
Но — как грущу, что ты — и молода,
И радостной ещё вздыхаешь силой, —
А я — молчу, я стар, — и никуда —
Не кинусь, чтобы — лик земли таимый
Мне душу старую — околдовал!

74

Не свергнутся — тяжёлые года, —
Не свалишь с плеч — постылого бессилья, —
Безумец! полунощник! — над могилой, —
Лишь в старческой истоме — навсегда, —
Я — тень зову!.. Я жду моей — Леилы!..
Жена — моя!.. Луна!.. сюда, — сюда!..

75

И — тикают, и — тикают, — в пустой
Бессоннице, — часы мои... — Но — если?..
Быть иль — не быть?.. Не быть?.. Ещё безвестней, —
В бесчувственный — низринуться — покой:
Самоубийство?.. Собственной рукой —
Себя расторгнуть, — низвергаясь к бездне?..

76

Да, — есть различье между городской
Усталостью и сельскою истомой:
Мы в городе опоены луной,
Она горит — над нашей головой, —
А там — в полях — и в полудённый зной
Ложатся спать, — пред новою — страдой.

77

Кудесница над городом — луна, —
Железо крыш — томит тревогой брачной, —
Выманивая призраки со дна,
Как с каменных подполий, — и дома —
Сердца, одымленные в мгле прозрачной, —
Как примрачная сеть, — как — смерть сама!

78

И пусть не ведает луны — Тюрьма,
Пусть паучьё — и дремлет сном паучьим, —
В тревоге медленной стоит луна —
И кружит призраки вокруг как тучи, —
И лунная владеет нами мгла, —
И дни клубятся — как клубок пловучий;

79

Я говорю — есть образ: голова
Горит и — сердце плачет... Ты — отзвучный
Мне лепет мой — прости! Едва — едва
К тебе взлетает — вздох мой... Словно тучи,
Кружась вокруг луны, поют слова, —
Чуть слышные — как вопль! — как вздох певучий...

80

Я вычерпать хотел свою печаль
Вином насытить душу — старым, старым —
В подвалах многодавних — застоялым, —
Но — если образы я вдруг! — смешал, —
Но если я — пустыню рассказал, —
Ты мне прости — мой лепет полупьяный!..

81

И — смех, и — грусть! и — скажешь — всё не так,
И ты не — в лунном родилась сиянье, —
Но — задрожала — в солнечных лучах,
И упилась — цветов благоуханьем...
Тогда — решай: что мне, — в моё рыданье, —
В пустую душу — дхнул, зевая, — мрак!..

82

Не опрокинуться — дозволь мне! в бездну,
Дозволь — хоть издали — тебя любить! —
Над городом пусть светит — месяц медный, —
Скажи — луне: — над сердцем ворожить:
Я буду ждать — смешно и бесполезно!
Что ты — придешь ко мне, — меня просить...

83

Что не осудишь — мой побег ужасный,
Мой — невозможный и греховный дом, —
И — вдруг решишь! что ты — в дали прекрасной —
Мне только — снилась! — снилась день за днем...
Что — я в ночах, — над мёртвым очагом, —
Стоял и раздувал, — огонь — напрасный!..

84

Не говори; что я — другой рукой
Ласкаемый, — живу, свистя на воле;
Остановись, — пред долгой тишиной —
Лампады поздней, — пред твоей иконой, —
О, — не шути! — ужели так смешно —
Взывает в полночь — возглас колокольный?

85

Как пред бедою — замертво бреду
К — тобою брошенной давно — постели, —
И — ты жива со мною в том бреду...
И — ты лежишь передо мной в саду, —
Раскинувшись, — росы ночной — белее, —
Вся в золоте лучей, — луны — хмельнее!

86

Такой тебя с собой и унесу —
И о тебе — там! расскажу Алёше, —
Где он хранит земли твоей красу —
И на тебя, и на меня — похожий, —
На ангела! — в луче луны — росу
Июльских трав — несущий осторожно!..

87

И — ты, мой мальчик! ты — кому роднее
Я имя счастья выдумать не мог, —
Ты юноша — в распутьи всех дорог —
Шумишь разгулом всех мирских тревог,
Завещанных для юношеской неги, —
Мой милый!.. мой живой!.. мой сын!.. мой Женя!

88

Храни нежнее — маму: на людских —
И горестных, и радостных дорогах, —
Не забывай о глазках голубых —
О волосах — до счастья золотых, —
Алёшиных! — сияющих пред Богом —
Пред ликами счастливыми святых!

89

Да будет он — хранитель снов твоих, —
Как сон — неразрешаемо прекрасный —
На площадях, на улицах земных:
В нем две души — свились, — о, так согласно,
Так неразлучно! — как причастный стих, —
Осанна — там! — в свиданьях голубых!

90

О. — если — недостоин я — его, —
Ты — будь его действительно достоин, —
Да вспыхнет — сердце чистое твое —
Зарёю алою, — пред страстной кровью!..
Храни же — маму! Пред её любовью —
Клянись: России — жертвовать собою!

91

Ты — дедушкину не забудь, — мечту:
И землю чти — и ей служи пристрастно,
Не зарывая счастья в суету, —
Но — волен волей — к ближнему участлив, —
Как солнце льёт сиянье — в высоту, —
И миру дышит — свыше — не напрасно!..

ЗНАМЕНЬЕ

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Хоть на время — на миг полюбя, —
Подари эту розу поэту.
Фет.

Есть в напевах твоих сокровенных —
Роковая о гибели весть
Блок.

1

Пора, — пора... Семь — таинств, семь — грехов, —
Или семь — песен, — выбирай, что хочешь!..
Ещё душа — и плещет, и пророчит —
В мерцаниях, в блужданиях стихов, —
Уже «на берег радостный выносит —
Мою ладью» — о, Нежность! Твой — Покров...

2

«Безумных лет угасшее веселье».
Еще томит «как смутное похмелье» —
И — «как вино, печаль» — бывалых дней, —
В душе — «чем старе», тем — пьяней, пьяней!..
Но отстоялось, Боже, умиленье —
На дне, на дне, — испытанных страстей...

3

Я дома, дома! Ни тоски морей, —
Ни ярых звёзд, ни зорь, томивших тело, —
И в золоте лучей луна — отпела...
Там — за вокзалами — печаль полей...
Где я? Куда бежал? — каких путей?
И чья забота — сердце мне пригрела?

4

Я одинок, я одинок теперь —
И грусти нет — нигде, ни в чём — предела, —
Но я вздохну до завтра — мне велела —
Мечта: сегодня — раньше лечь в постель?
И вот — тихонько отворилась дверь, —
Пришла и — рядом на диване села...

5

«Пришла и села. Счастлив и тревожен —
Ласкательный твой повторяю стих...»
Ты — образ добрый! облик тайны Божьей,
Я осенён — сияньем рук твоих, —
Мне снилась грусть — в далёких бездорожьях, —
На площадях, на улицах — людских...

6

Но я шептал «ласкательный твой стих»,
Я шёл с тобой — и «счастлив, и тревожен», —
Коснись меня — сияньем рук твоих, —
Я нёс мой дар — в пустынных бездорожьях, —
«И, если дар мой пред тобой ничтожен, —
То ревностью — не ниже я других...»

7

«Заботливо храня твою свободу,
Непосвящённых я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду —
Твоих речей» — тщетой! — «не осквернял...»
Но я мечтал: свободному народу —
Да будет внятен — мой свободный дар!

8

Я повторял: «Заветная святыня —
На облаке», — но — зримая — «земле!
В венце из звёзд — нетленная богиня —
С улыбкою» (печали!) «на челе...»
(Я помню, помню: жёг костры в пустынях, —
И все слова — смешались, — в их золе!)

9

Я пел стихи, — когда я в тучах плавал,
Я пел стихи, — когда звездилась высь, —
Я пел стихи, — когда, припав, лукавый —
Холодный дух толкал меня: Низвергнись!..
Я — пил стихи, как сонную отраву, —
И все стихи — в одно вино слились. —

10

И — море пенное — седой певец —
Меня баюкало, свистя и зыбля, —
Стихи наигрывая вслух — седые;
На берегу — я заклинал лишь ими;
Я в них искал заветное мне имя, —
И — пьяный ими, — шёл я под венец.

11

Стихами мир, мне мнилось, — был колеблем:
Играл ли луч, — роился ль воздух бледный,
Переливая тонкие струи...
Я помню: было — над скалистой Эльбой, —
В воде забылся — первый стих, — и гневно —
Второй взыграл, — меж каменных стихий! —

12

В Финляндии — зелёными — молчали —
Молчаньями, — лесные озера,
Стволы усталые — чуть отражая, —
Но зори белые — их понимали, —
И — улетали звонкие ветра —
За горные вершины, — до утра...

13

Но — отчего же: — в час моей печали, —
Моей особенной! ночной любви —
В Артемове — когда луна, играя, —
Сверкала над медвяными лугами —
Над синими, над синими струями, —
И над окном, где я её молил —

14

Меня любить, — играть в моей постели, —
Как в том саду, где яблони белели,
Где яблоки, благоухая, зрели —
И наливались солнечной водой, —
Мои стихи не млели, не алели, —
Как звон свирели — канул под землёй?..

15

Под Петербургской дождевой метелью, —
Под гул и хохоты всех адских сил, —
Когда ты плакала — в моей постели,
А я по комнате — ходил, ходил, —
Я так решил: я безобразной тени
Ничтожества, — восторг мой — посвятил!..

16

Тонулись дни — в беспамятстве и лени,
Влачились дни — позором и стыдом, —
По улицам — по утренним панелям, —
Над письменным, над письменным столом!..
Там — где то тройка мчится, — в отдаленье, —
А колокольчик — бьется под дугой...

17

Там кто-то поет — и в истоме пляшет,
Заламывая руки над собой, —
Над головой — с распущенной косой, —
Платочком синеньким бальяжно машет...
Паяц дурак стоит — вниз головой —
Ногами вверх, — торжественный и важный. —

18

Всё — так и было... Как, — какой судьбой, —
И — в чьих мечтах? но — что-то в этом роде:
И — колокольчик бился под дугой, —
И — плакала плясунья над собой —
И тешилась при всём честном народе, —
И — рядом с ней — дурак, — вниз головой...

19

И я молчал. — Безудержно. — Ни слова —
Ни четверть слова, — с губ не сорвалось.
Как труп — как гроб. Копыто под подковой. —
Как камень — мохом и травой порос, —
Но — как завеянное вьюгой поле, —
Молчал и — бредил, — семенем и кровью. —

20

Что ж? озаренье что ли пронеслось?
Или, гадая скорбно на авось, —
И — дождался звенящего смятенья?..
О — только воли! воли — к восхощенью!..
Аль — девичьих очей прикосновенья?..
Ах, скольких губ — губам напечатленья!

21

Лежал один — на той же всё постели,
Стоял один — над тем же очагом, —
И в крайнем, и в смертельном истощеньи —
Шагов почиих — дивиших, — до неступленья, —
Я услыхал: под сердцем разгорелись —
Мои стихи, — свирели алый звон...

22

Из под воды — из под седой — запела,
Отозвалась — разлучная волна, —
Ей — высокó — другая отзвенела, —
И в зареве взметнулась вышина...
Ах, — всех блажней, разгульней, — веселее, —
Над бурой дурью, — белой пеной млея!

23

Созвучье за созвучием — острей, —
Как будто слух внимающий пронзало —
И наконец, — всех игл и всех мечей —
Тупей! вонзилось... (Боже, — ты мудрей!..
Ты знаешь всё, — что человеку надо...)
В тот день, в тот день, в тот день! — в последний день,—

24

Когда Алёша умирал, — и стадо —
Плелось радушно с выгона домой,
Позвякивая позвонками, — радо —
В хлевах укрыться от поры ночной:
Холодновато... Сизой пеленой —
Оделся лес пред близкою — грозой...

25

Не надо!... Где же, наконец, — отрада?..
Ты, радость нежная, мне расскажи, —
Как он мелькал — весь золотой — во ржи
И васильков — искал... О — нет, не надо, —
Не надо — ничего!.. Ах, вот — досада,
Что я позвал тебя — мне ворожить!

26

Ты — не умеешь! ты опять — тужить
Меня — о страшном прошлом заставляешь...
Уйди, уйди!.. плотнее дверь запри...
Ну, хорошо, — садись!... чулок вяжи...
Пойди, налей, — и принеси мне — чаю...
Постой, — я сам, — а ты — сиди, — сиди!

27

Да, есть в тебе — всегда, всегда, всегда, —
Когда ты даже думаешь утешить, —
Печали тень. Как будто, — ни следа —
От прошлого, — и сердцу станет легче —
На полчаса, а там опять — мечта, —
Как бред навязчивый — как призрак вещий...

28

Так ты не — та? Ты — память? Ты — мечта
О вечном прошлом? Где ж твоя — «свобода»?..
Обманщица!.. Ты воздух, — пустота —
Ничтожество и — скука год за годом!
И — вновь один, и — тусклая тщета, —
И — не люблю, — ни Бога, ни природы. —

29

Не надо — образов: они пусты!
Ни — возгласов: они давно противны!
Нелепы — «красноречия цветы», —
Мой «тон повышенный» — «псалмы и гимны», —
И стиль, — как немцы любят — бледно — дымный, —
И рифмы — скользкие... Не — ты, не — ты!

30

И не «блаженство» — ты, и не — «томленье»,
И не «надежда» — ты, и не — «жена», —
Ты — только наглое стихотворенье,
В котором все подсчитано — сполна:
И — гласных — девственное изумленье,
И — страстное — согласных приближенье!..

31

И Фет был — туп, когда он с чайной розой —
Сластёна старая! — тебя сравнил!
И Блок был — пьян!.. не мог же он — тверёзый
Тебе навязывать — цыганский стиль...
Вот мой зарок: меж музыкой и прозой —
Как на игле, — в истоме — крайних сил!

32

И — бубенцом под тройкой, — не взывай...
И — Гоголь, — врал! и — я тебе не верю!
Ты всё взяла: потерю за потерей, —
Младенческий мой обокрала рай...
Паяц с тобой хоть — мудреца валяй, —
Иди! иди, он — ждёт тебя — в передней!..

33

Условились? он — «подождёт», пока —
Ты будешь измываться надо мною?
Ты думаешь я губ — твоих алкал? —
Под спудом лёжа, — на тебя взирал?
И ты была — июльскою луною, —
Которую я — издали — ласкал?

34

Я не хочу твоих прикосновений, —
Ты мне чужда! ты мне навек чужда!
Не ведаешь ты страстных восхищений, —
Целуешься ты в губы без стыда, —
Блудница старая!.. Иди туда, —
Где ты ломаешься по воскресеньям!..

35

Не ты восходишь ныне — надо мной, —
Валяйся — с кем угодно — на диванах,
Удерживая сердца перебой —
В посредственных рассказах и романах, —
Не допускай трагического — в драмах,
Но сдабривай комедии — слезой!

36

Ступай к историку литературы, —
К тому — кто понежней и попухлей
(Паяц тебя проводит до дверей...):
Смачней целуйте — ямбы и цезуры, —
Да, — не забудьте щекотнуть — цензуру:
«Она была — не так грешна, — ей — ей!..»

37

Гуляй себе, как говорят у нас, —
Под портиками всяких — академий;
Клянись Горацием или «Лицеем», —
Да, в кресло Пушкинское — развалясь —
Заранее усядься — попрочнее, —
Заслуженно — его себе причленя!

38

А — главное, — вели писать стихи,
Как можно — площе, — и как можно — глаже, —
Тем — соблазнительней: сама ведь скажешь!
При случае, — потупившись, шепни:
Чем суше стих, тем пуще в нём соблазну, —
А песенную прелесть — задуши! —

39

Молитву — зло от сердца отжени, —
К лицу-ль поэзии — вздыхать и ахать?
Коль молишься — молись: privat, мол, Sache, —
Как лютерова ересь — искони
Говаривала, утаясь в тени —
Старинных храмов и новейших залов!

40

Силоти тесней вокруг себя — нахалов, —
Твой лад повадный им ли не с руки?
Что им — до страстотерпческой тоски, —
До пламени, что душу обуяло?
Твои шаги им слышатся — легки:
Ты дёшево всегда им — продавалась...

41

Нет! не «для звуков сладких и молитв»
(Считай меня — чернее чёрной — «черни!»)
«Мы рождены» — для песенных хвалений,
Для потрясений — и кровавых битв...»
И человек — тогда лишь — миром сыт. —
Когда не требует — блаженных пений!

42

И — выстраданный стих — всегда, — уныл —
Пронзительно, — и — невозможно длится —
И — по сердцам, как по краям могил —
Ударив, — снидет вниз, — гроба — всколышет...
А песнь цыганская трезвее — птицы, —
И вовсе не похожа на — Аи!..

43

О, муза бедная моя, прости!..
Что я наговорил — тебе, родная?..
Я растерял все тихие пути, —
Лишь гулкие — ступни мои топтали...
Голубка чистая, о, — отпусти
Грехи мои — перед твоей лампадой!

44

Ты — Знаменье моё! Ты — подняла
Восхищенные к небесам — ладони, —
Вот — Сына в чрево — девичье взяла, —
Вот Он — в Твоём неопалимом — лоне, —
И ты — мою молитву вознесла, —
К сияющей — в голубизне — Иконе.

45

Пречистая, — Владычица земли
И — над землей Небесная Царица, —
Не откажи: влачащему в пыли
Вериги ржавые — и вереницы
Протяжных дней, — что вдоль земли легли —
Как обескрыленные вихрем птицы, —

46

К тебе приникнуть, пред Тобой влачиться, —
Тебя любить, — как мать я — не любил, —
И как мечтаю! там — в неё влюбиться, —
Куда бездушный вихрь её прибил, —
Где Ты струишься — Нега Вышних Сил, —
Не откажи, глупцу — Тебе молиться!

47

Я припаду, Твоё целуя чрево, —
Безбольное — вспоившее Любовь...
Ты, — Девичью исполнившая Кровь —
В Сияние Младенческого Тела, —
Чтобы и нам в Тебе возникнуть вновь —
И пламя нежное твоё отведать.

48

Покрой меня, о чувственно покрой, —
Как Ты Его — действительно покрыла,
И — настоящим молоком вскормила,
И — вспеленала тихою рукой, —
И — материнской страсти научила, —
Да — не смутится — пошлостью людской!..

49

И как — гордилась Ты — Его умом,
Над человечьими болями — силой,
И как — томилась пред Его — судом,
Перед Его молчаньем — голубиным, —
И — убивалась под Его крестом, —
И — над остылым прахом голосила!

50

Ты — девушкой и — матерью была,
Ты для Него — возникла и — цвела:
Так что Тебе — лукавые надежды?..
Смерть никого — назад не отдала...
Ах! лишь тогда, — забывшись, поняла, —
Когда увидела — одни одежды...

51

Пошла домой — искала и звала:
Скажите, люди добрые, скажите!
Всех спрашивала — знала лишь одна, —
Едва её на паперти нашла, —
Едва спросила, — и она ушла, —
Все — разбежались... Други, как же — быть-то?

52

И — побежала — вновь, и — догнала, —
Допытывала, — веря и — не веря...
«Сказал, что предварит нас — в Галилее!..»
Пошла за ней, робея и — слабея, —
А вдруг и — нет? Вот — постучались в двери, —
И — никого, — одна — пустая — мгла...

53

О, Господи, о, Боже, Ты всё можешь!
Так — правда ли? Скажи, — не обмани, —
Не искуси души надеждой — ложной!..
Смотрю: идут — назад — ученики...
Нет, — не воскрес! Ох, — нет!.. идут — один...
О, Боже — сил моих! О, Боже, — Боже!

54

И — вдруг увидела... Едва касаясь —
Земли — еще в предутренних тенях, —
Идёт навстречу — тихо улыбаясь, —
Как улыбался раньше — на путях
Предсмертных, к ближнему душой склоняясь,
Или с детьми встречаясь и — прощаясь. —

55

«Вы — здесь? Пойдемте вместе — в Галилею!»
И голос — тот же, — ласковый — живой!..
Коснулась рук — ах, — все ещё робея! —
Поцеловала: Милый мой, — родной!..
Вошли и сели, — говорил с Фомой —
И все пытал: кто — верит, кто — не верит?

56

И вдруг опять пропал! Словно крылом —
Взмахнул, — и нет Его, как будто не был, —
Не Он ли промелькнул перед окном?..
Лишь трепетно — засеребрилось небо —
Над озером струистым и холмом —
И где-то выше, — в облаке сквозном...

57

Да где-же Он? да как же так случилось?
И — как недосмотрели, Боже мой?..
Вдруг — не вернётся, — никогда? Пришёл, —
Как сонное виденье — и ушёл...
Как омертвелая — пришла домой, —
И до-смерти — душа всю ночь — томилась,

58

И — сколько раз, — вставала и ложилась,
Опять — вставала, и — опять молилась:
О, если — вправду жив, — вернись! вернись!..
И — ночь росла и — дали расцветились, —
И — вышние лампады — засветились, —
И — мнилось, кто-то шёл — в ночную высь...

59

Не разгадала сна, — не догадалась, —
И — как достигнуть до святых небес?
Но разгоралось — сердце, — разгоралось —
В предчаянии — в предсчастии чудес —
Невероятных. — Наконец — устала —
И проспала до света... Да! — воскрес!

60

Пойду — искать!.. Так дни и проходили...
Ещё раз — видела, когда — ловили
На ужин рыбу... И — навек исчез, —
Потом — нигде, — нигде не находили...
Ходила плакать на пустой могиле, —
Да умолила — подарить хоть крест,

61

Валявшийся в сору, — месте казни, —
И радовалась — бедная — как в праздник, —
Когда его с Голгофы волокла, —
Целуя и слезами обливая...
Владычица Небесная! — не зная, —
Какую страстность — миру сберегла!..

62

Поэзия, — стихами — не мани, —
Я ведаю лишь страстное — смятенье!..
Тань — как призрак — в ласковой тени
Пустынных пальм, — даруя утоленье —
Водой студёною, водой мгновенья, —
И — утони в тумане, — утони!..

63

О, — быть — грубей! о, — быть грубей и — проще, —
Быть откровенным — душу расплескать!..
Все до краёв полно такою — ложью, —
От вечности — темно и невозможно...
Я буду там, — в посмертьи, —осязать —
Мир, — страстный мир — в крови и — яви Божьей!

64

Так, — если ты печаль мою возьмёшь, —
Её в стихах отзвучных прочитаешь, —
Неведомый! — пойми: всё — тлен и ложь, —
И как я буйственно — во всем скучаю, —
И — паутину тонкую сплетаю, —
Покамест — ты её не разорвёшь!

65

«Напрасно ты восходишь надо мной —
Посланницей волшебных сновидений...»
Кто так изрёк? кто, — лицемерный гений,
Так долго издевался надо мной, —
Бросая душу в яркий рой — видений,
А тело — смерти лютой, — на убой?..

66

Колеблется на тонкомъ острие, —
Тончайшем острие — моё сознанье:
Живу, дышу, — пою — как на игле...
Все остальное — ужас и молчанье, —
И — сода глупая — кипит в стакане, —
И — нет добра, — и зло лежит — во зле!

67

И, — если миру я рождён был добрым, —
Я пролил на путях своё добро, —
И покупал, и продавал — и продал —
Всё продал, не осталось за душой —
Ни медного гроша, а — серебро
И золото, — заложены давно...

68

Себе чужой — народу дик, —природу
Не чувствую — не знаю — не люблю, —
Лишь — душу женскую в бокалах пью!
Ласкал ли я когда нибудь — свободу?
Одну свободу — личную ценю —
И ничьему не прилежу — приходу. —

69

Живу как — перст! — Один! и все — неправда
Слова мои, — и к правде — не придешь!..
Всё паутину ткёшь, да ткёшь, да ткёшь, —
Под потолком — снуёшь, снуёшь, снуёшь...
И — полегоньку — глухо устаёшь, —
И — слепо славишь правду, — благость Божью!..

70

Жизнь или сон? Бог или мир?... Не знаю!
Попритчился спроста — великий сон...
Что ж я? — Ничто... Поэт? — Не отрицаю!..
Поэт, поэт... Замолкнет звучный стон...
Нет — мира, — нет — меня... Но — утверждаю, —
Что — Некто есть, — и надо всем — волён!

71

Отвергни грусть, — скажи восторгу: по́шел —
И не умею я — писать стихов, —
Что жить на свете и счастливу — тошно, —
И все вращается средь тех же — снов, —
Каких там — снов? одних и тех же — слов, —
Но некто — есть, — и Он один — неложен!

72

И, — наземь пав, начну ласкать и — плакать, —
Ласкать — зелёный и душистый пол, —
И буду мёртвых выкликать из мрака, —
Не мысля, — что — мы спим и — видим сон, —
И — буду выть на месяц, — как собака...
Но — Некто — есть, — и я — спасён!..

73

Ты высмей — догматы церковных хартий,
Ты презри — всяческий мирской закон, —
Скажи: нет музыки — лишь перезвон
Телячьих жил или — воздушных волн, —
Скажи — в истерике, — скажи — в азарте:
Что жизнь есть сон!.. Но, — Некто, — видит сон!

74

И это — так безумно — невозможно, —
И не похоже — ни на что, — что — есть...
Не две ли истины? одна тревожит
Сей мир, раскинутый вкруг нас — окрест, —
Другая — Он! И — всё же, — воля Божья —
Единственная наша страсть и — честь!..

75

И я — тебя, заветная, — люблю, —
И не умею я с тобой — расстаться,
Твою серебряную душу пью, —
Пока вершины гор не озлатятся, —
О, — не луной! — и звёзды мне не снятся, —
Я — только к золоту — икон, — прильну!

76

Когда же солнца — явно разгорятся, —
И — примут в лоно алое — Любовь,
И в Ней сгустится — огненная кровь,
И дети радости — на свет родятся, —
Я упаду к твоим сияньям вновь —
Твоей ли, — неге, — муза! поклоняться?

77

Но — я зажгу, — пред Страстностью — свечу,
И Дева света мне не будет — сниться,
Но будет — жить — во мне! О, я хочу
С тобою — быть, когда ты будешь длиться —
В том зареве, — и я — к тебе взлечу —
Как — упоённая сверканьем птица!...

78

Так я — молился долго, — пред иконой,
Так я светился маслом — пред тобой, —
И в воске жёлтом — истекал душой,
Издалека — твоё лаская лопо —
И — в бденье — злобном — дней неугомонных
И — добрых дней, мелькнувших — чередой...

79

Опять, — не то, опять — не так!.. За дверью —
Паяц заплакал... Что такое? Что?
О, чепуха!.. Я сам — ему позволил?
Я сам — сказал? Ах, — нет!.. не то, — не то...
Напротив — я сказал тебе: прикрой —
Дверь за собой — плотней, плотней, — плотнее!..

80

Зачем — закрыла ты глаза — руками?
Как ты похожа, — помнишь ли? — всегда
Алёша плакал — так, когда — наказан —
Сидел в углу на ящичке... Я знаю —
Ты скажешь мне: не запрещай, — слезами —
И можно только, — облегчить печаль...

81

Не отходи!.. Как Лермонтов, — стихами
Я буду — целовать тебя во сне, —
Не ты меня — а я! как — облаками
Неверный, — милый очерк, — в вышине, —
Я ублажу тебя — как ублажают
Ребёнка матери, — во сне — руками...

82

Пойдем — ко всенощной!.. — Уж отзвонили...
В ту церковь, где — всегда полутемно, —
Народу мало, — три свечи забылись —
На столике — пред сумрачным Крестом, —
И тихо станем рядом, чтобы — бились
Сердца слышнее, — словно — под стеклом...

83

Тот самый крест, который сохранила —
Владычица, на память испрося, —
Когда о Теле — о Его молилась,
Пропавшем без-вести... Ты — как дитя,
А я — как тот, унылый и бессильный, —
Кто раны осязал его, шутя! —

84

Мы скажем вместе: Страстный Царь — Небесный, —
Ты — знаешь нас, — Тебя не знаем — мы, —
Мы врозь с Тобой пустились в путь безвестный, —
И к пристаням причалили — Тюрьмы, —
И — думаем, что — нет страны прелестней, —
И — все то мы — и злы, и нечестны; —

85

И — ничего то мы — не разумеем,
И — человека — твари нет пошлее, —
Презреннее, надменнее — смешнее!..
Кому — кромѣ Тебя, мы ни радели, —
Пред кем ни ползали мы на коленях?.. —
И — все то были нам — Тебя святее! —

86

Отечества наставники — указку
Подняв, — и грудью выпятясь вперед
(Приедут с Марса — скажут: анекдот),
Вопили, что пришла пора, мол, маску
Сорвать — с попов, — и — вразумить народ, —
И — ладаном кадили — Карлу Марксу!

87

Ещё постыдней — или смехотворней —
Иль недоведомо себе самим? —
Всесвятым именем Твоим
Метали в бомбах — динамитный дым
Теснителям народным — под рессоры, —
И — христолюбцем был для нас тот — воин!

88

И даже — было: разве — не лизали
Заплёванные паперти церквей, —
Те, — кто — Тебя, как древле, — продавали? —
О, нет, — пусть — распинали б, — то верней!..
Но — Именем страстным Твоим — скакали, —
И — растлевали женщин и детей...

89

А я? куда ходил Тебя судить —
Честить — хулить.. Мне был ли другом — нищий?..
За истиной, — к кому блудил, — просить, —
Об утоляющей и страстной пище, —
Каких питий — безогненных — испить?
Чьим именем — божился?.. Нитцше, Нитцше!..

90

И я спадал — к Тебе, — с моей постели,
Еще пригретой — томной белизной
Наложницы — сегодня уж второй, —
И плоть Твою — хвалил! О, — как горели —
Твои глаза, — над смертной слепотой
Моих — бесчувственных — Тебя хулений!

91

О, — если Мать Твоя Тебя молила
За наше — каиново житиё, —
(Голубка — чистая! давно — простила...)
Ты — не прости! Да сотворится всё —
Над нашей буйной головой — ушлой, —
Чем осквернили — Имя мы Твоё!..

92

Недвижимый!.. дозволь: Ея — иконы
Дотронуться — хоть издали, — душой, —
Не смея — масла теплить, — по одной —
Мечтой — холодной близясь, — в тёмной — тёмной
И — мёртвой комнате... пустой, пустой!..
Пойдём, пойдём!.. пойдём!.. домой! домой!..

93

Нет! ты — останься здесь, а я — пойду, —
И помолись ты за меня — теплее, —
Пред Нею! Слушай: я тебе скажу —
Мою мечту (быть может, я — слабею, —
И говорю — не точно...) К моему
Ты — ангелу — склонись, — меня жалея!

94

Я верю: не оставил он меня, —
Он здесь стоит и — слушает, — он — между
Тобой и мною, — всё такой же нежный
И — золотой... Ты видишь, как горят
Три свечки, — светом Богу говорят, —
Одна — едва мерцает, — это — я!..

95

А две другие — жарче и ровнее; —
Одна из них — Алёшина... Я верю, —
Он там, куда — помыслить я не смею, —
Подняться: — в девичьей крови — алеет, —
Всё знает, — и простил меня — давно...
Ты — вместе помолись ему, — со мной...

ПОГРЕБЕНИЕ МЛАДЕНЧЕСКОЕ

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы летящей днем, язвы ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полночь.

Чин погребения младенческого. Пс. 90

Вы разве никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей устроил Ты хвалу?

От Луки.

1

Я не спел ещё последней песни, —
Лечу назад — спешу мечту догнать....
О! завтра будет призрак бестелесней:
Мне по утрам его не ощущать...
Не убегай! сегодня ты воскреснешь, —
Тебя опять я буду — осязать!

2

Не только — знать, не только — обнимать
Тень облака — портрет в холодной рамке, —
Дым, ускользающий при блеске лампы...
Взгляни, — я буду глазки целовать!
О, ручки протяни, — чтобы узнать
Я мог тебя — по ноготкам, по пальцам,

3

По тонким губкам, по лукавым глазкам,
Прикосновеньям золотых ресниц —
И крыльям за плечами, как у птиц —
Неопершихся, или — как в сказках! —
На лепестках цветочных — вереницы
Былинок лунных — мчатся в светлый час. —

4

О тише, тише! я сегодня буду
Как можно тише — говорить с тобой, —
Как тайна с тайной — как душа с душой!
Так — странники всегда внимают чуду,
Так — волны кротко говорят с луной,
Когда она забылась — над водой.

5

Что мне сказать? ты понимаешь всё,
Что мне дано, едва касаясь, слышать...
Ты около меня живёшь и дышишь —
И до зари — останешься со мной, —
А на заре — как счастье — за окном
Мелькнёшь, кивнув головкой золотой! —

6

В тот вечер — там — над бездною морскою,
Когда я понял, — смерть уже вошла
В тебя — и кровь твою уже пила,
Пережидая лишь — последней воли, —
Качался шар багровый над водою —
А наверху уже струилась мгла.

7

Я понял — понял: с солнцем ты зайдёшь,
И с солнцем встанешь алою зарёю!
И ты зашёл — и солнце низошло, —
И вновь взошло: — уже с твоей душою...
Ты в нём живёшь — и розовой рукою
В рай голубой — ночной — меня зовёшь...

8

Да, если в солнце — ты, — то и кругом
Всего цветущего в раздолье дольном, —
Со мной вдвоём — в грехе моём невольном
И — вольном, вольном, — мальчик мой! — и днём,
Овеянным дыханьем безглагольным,
И — в шопотах ночных или — безмолвьях...

9

Я солнце полюбил с тех пор, как ты
В его садах весёлых поселился,
Люблю твои и травы, и цветы!
Ты кинул мир и вновь зазолотился —
Да! потому-что в нём ты затаился
До синей — до лазурной высоты!

10

Любил ли я в тебе — мечту свою,
Но мне не снилось ничего — прекрасней,
Чем — золото волос твоих: ты — райской
Земле их отдал, чтобы только в сказках
Их вспоминали, — знаю, — их в раю,
Расчёсывая, ангелы — целуют!

11

Ах, только в памяти — перебираю
Их пряди, пальцами — едва касаясь:
Как бабочку держу в руке моей...
Боюсь — пыльца слетит, и — отпускаю:
Лети! живи, — целуй цветы полей, —
Глядись в глаза — возлюбленному раю!

12

Залюбовался я твоей душой,
Как остановленный в одном мерцаньи, —
Забылся, восхищаясь над тобой —
Не удержал мечты — своей рукой...
Кто — над твоей головкой золотой
Не забывался — не мечтал о рае?

13

Днём суета — и я себя не знаю, —
И ничего не разгляжу в окно;
Но канет день, — и только тишиной
Ночной и — чувствую, и — понимаю:
И мне поёт, вздыхая, вещество, —
И — чудится — вникаю в божество. —

14

Лишь по ночам твою впиваю душу:
Так солнца дышат — в глубине ночной, —
Как камни, спрятанные под землёй,
Томятся в алых — синих недрах... Слушай, —
Я всё скажу тебе — и ты поймёшь,
В чём истина — и в чём людская ложь!

15

Одно — и ночь, и солнце, — вещество!
Так искони — недаром — утолимо
Земля их впитывает естество, —
Своё же солнечное, — светодымно;
Вот почему и было — рождество
Христово явлено, — над дымным миром...

16

О, как порывисто ты знал — всегда,
Что я — отторженный — никем не принят, —
Затем — что душу мир из мира выпул
И — кинул на задворки бытия...
Теперь ты видел, где — душа твоя,
Из тела вылетев, — чуть не погибла!

17

Там, где валяется вселенский сор —
Не власть и дьяволу! — течёт напиток
Ничтожества — с каких-то ветхих гор, —
Слюна — отрыжка зла, а не избыток! —
Не угодивший никому — с тех пор,
Как зла отвар был первым бесом выпит:

18

Там, — на зелёно-бурых берегах
Вселенской мерзости, лиющей соки —
В рот дьяволу, который их не хочет,
Но — отвратился в гневе, — там пророчить
Душа вселенская обречена, —
Там человеческая плоть — страстна!

19

Так мы живём... Ужасно! И никто
Из тех, кто мир слагает ежедневный, —
И не шелóхнется тупой душой...
Валяемся — и уплотняем сор, —
Таких же завалящих бесов — теша...
И даже им — зевается порой!

20

Ты светишь каждой бледною былинкой —
И каждой ягодкой — в тени лесной...
Я не коснусь тебя моим унынъем, —
Но ты позволь, — забывшись — пред тобой
Рыдать... Ты — в синей глубине хранимый, —
Младенческой рукой меня — накрой!

21

Я ждал тебя, чтобы сказать, что сладок, —
О сладок, милый! — смертный жребий твой:
Ты увидал же сам, что — только радость
Там — за могильною горит чертой, —
Что — именуемый дыханьем — зной
Души — на миг! — болезненный припадок!

22

Душа вольна дышать, — но дышит — солнцу
О! только — там, где — в прок её лучам..
(Уже не сдавленным в костях — кровям,
Не сжатому под костной тканью — мозгу, —
Не верящему собственным ушам!)
Оно сверкает — пламенно и звонко...

23

Перед глазами пелена легла —
И ничегошеньки — то нам не явно, —
Хотя глаза, выпучивая, пялим:
И — ни черта! как — дьяволова зга!..
Души, мол, — нет! а есть, — «конгломерат» —
Каких-то там толканий и дрожаний, —

24

Есть — толчея!.. Добро бы — беснованье
Вилявых бесов — нет, — частиц мельканье —
Так — ни с того — да ни с сего! болтанье
Воды в стакане, — каша из яиц,
Из коих каждое снеслось без птиц —
Само собою! Ткапей претыканье —

25

Друг-об-друга... Ни обликов, ни лиц
(Как говорят — «не жизнь, а прозябанье!»)
А имя каждой из таких крупиц
(Беззвучнее им не дал бы названье —
Сам ад!) есть — атом... (вроде восклицанья, —
Когда не продохнешь, хоть — задохнись!)

26

И не стареет эта старина:
Лишь подновляют к новому сезону, —
Пустому дико кланяясь закону:
Как будто есть — закон! и — не страстна
Стоит над миром — мерклая луна, —
Неопалимо схваченная солнцем!

27

Как будто зверь — не плачет, не грустит
И — жаждой духа душу не томит
Под шерстью ярою, — под тихой кожей;
Как будто птица в небо не летит —
Затем, что дол под нею — пусть лежит,
И — что лазурь ей зеленéй дороже;

28

Как будто бабочка — не тем грустна,
Что книзу червь её — опять притянет;
Трава — не тем темна и зелена,
Что осенью опять — она завянет, —
И не светла — лесная тишина
И в вешнем, и в серебряном стоянье, —

29

Вода, вода ужели не пьяна —
До пресыщения — сама собою, —
Гулливая — не дышит ли волна:
Соединиться — наконец — с землёю, —
И пена сизая — бела, бела:
Не оттого ль, что стынет — над водою?

30

И — разве мудрость всех людских веков
Не убеждала нас, что горы грозно —
Нахмуренные — дремлят в древних грёзах,
И — в блеске молний — проливают слёзный
Земле потоп, — алкая влажной воли, —
Изнемогая — под огнём снегов?..

31

И — воздух полон — душами мирскими —
Звериными, лесными, полевыми, —
Полуденными в полдень, заревыми —
Зарёю, ночью — синею — почными, —
И духами, и духами людскими...
Мы ими дышим, — им же воздух — имя?...

32

Цветы любил ты, милый, полевые, —
Как будто сны пришли к тебе в цветах:
И — звёзды в полдень, — снежно — золотые
Ромашки в зеленеющих лугах
(Желтее солнца — в белых облаках...)
И — очи синие — во ржи, — почные...

33

Ты понимал: и птичек лепетанье,
И бабочек застенчивых дрожанье,
И пчёл тревожных гулкое ворчанье,
И муравьёв забавных прозябанье, —
И был доступен глазкам голубым —
Воздушных душ — в лучах — лазурный дым ;

34

И ангелов ты видел — наверху, —
Летающих заботливо над нами;
Ты обнимал их — издали — руками,
К себе притягивая... И, — мечту ль —
Счастливую! исполнил — слишком рано,
Лазурную восхитив — высоту?

35

Или, — заветные шесть лет прошло;
В осьмой бы тронуло греха томленье, —
Коснулось бы томительное зло
Души младенческой — веков косненьем, —
Непроницаемой глаза затмило б тьмой?..
(Бесчувственное — мира непрозренье!..)

36

Одна из стрел, порхающих в ночи, —
Зараза острая тебя пронзила, —
И кровь играющую опалила —
Палящим ядом яростных стихий:
Зло — против рая, — низменная сила
Небытия — против иных бытий!

37

Как дьяволово жало — скарлатина
Всосалась в жилы алые твои!
И досыта же в них навеселилась...
И — сколько б дней её веселье длилось, —
Да, Бог — смягчился над душой безвинной
И сократил — истомы смертной дни. —

38

И выпал ты из мира — на девятый, —
Из мира видимого — страстных рук,
Тебя качавших — здесь, — в стране разлук, —
В предчаяньи — последнейшей, — треклятой!..
Так — я роптал и выл, — под тяжкий стук —
Могилу жадно роющей — лопаты. —

39

И — ночь запла, — на сумрачном краю, —
Не чувственных — не чувственных! явлений, —
И — утро встало, — на краю томлений —
Дневного света... Боже дней!.. в раю —
Внуши мне тайну — явных ощущений, —
И душу — явью напои мою!

40

Как я узнал, — как ощутил твой дух,
Мелькающий, вздыхающий, — вокруг
Моих нечувствующих осязаний?
Как ты проник в мой отверделый слух?
О, я не выпес бы твоих молчаний, —
На пламень — посягнул бы — заклинаний:

41

Чтоб дух мой — сблизить чувственно — с твоим, —
Чтобы сдвоить с твоим — мой мёрзлый дым,
Чтобы растаял — лёд моих незнаний!..
Я — должен знать! Я — должен быть с моим
Сокровищем!.. Я — скуп! Ни с кем другим —
Червонцами из моего подвала, —

42

Не поделюсь!.. И — что мне в том, — что дух
Вселенский — цел и — сам себе подобен, —
И в средоточии — и врозь в природе, —
Что — мир ли влажен, пламенен иль — сух?..
Паси послушные — стада, пастух, —
Стада, довлейте рабству и — погоде!..

43

Я должен быть — бессмертным!.. Потому,
Что я — не червь самодовольный в злобе, —
Я должен быть — всегда! Проникнуть — в тьму, —
Руками тронуть — мёртвый облик гробный...
Я растворить хочу — свою тюрьму, —
И целоваться — с солнцем на свободе;

44

Я воскресенье потому зову,
Что я его, — как блеск незапный — чую, —
Я родился — и для того живу,
Чтобы осилить тягу праха злую, —
Прах раскидать — как дьяволову згу!..
Алёша — жив, — так как же я умру?...

45

Я не спирит, столов я не вертел,
Я душ, тела забывших, не тревожил, —
Я адскихъ бы заклятий не презрел,
Но не склонился бы к тщете безбожья:
Я знаю Бога! — как мерцанье — тел, —
Мерцающих на пристальных дорогах —

46

На пристальных — смотрящих в лоно Богу, —
Держимых медленной Его рукой...
Нашёл ли ты чудесную дорогу —
Сегодня сам, мой мальчик золотой, —
Или привёл тебя — мой вздох ночной,
Вздохнувший к твоему пустому гробу,

47

Завеянному посреди гробов, —
Снегов белеющих — усталой Лавры, —
Приподнятому — ангелов руками?..
Ты умирал, — воистину как ангел, —
Ты улетал в страну очарований —
Как на крылах младенческих шагов!..

48

Ты: здесь — со мною — в воздухе моём, —
Который я, вдыхая, выдыхаю, —
И — в резком электрическом сияньи, —
Невидимо над письменным столом...
Да, — ощущаю — знаю — осязаю, —
Не вижу?.. слышу?.. знаю, знаю, знаю:

49

Что близишься ты — страстному вниманью,
Что видишься ты — ангельским глазам,
Архангельским — ты слышишься ушам,
Что серафимы — пьют твоё дыханье,
Что херувимским — предан осязаньям, —
А здесь — моим протянутым рукам!

50

Ты прожил жизнь в сплошном очарованьи,
Заворожённый запахом лугов,
Благоуханной прелестью цветов;
Медвяной тайной сладко обаянный
И — пряным благовонием грибов...
Озёр — серебряным, — в снегах — сверканьем!..

51

Ты всё как будто — раю посвятил,
Как будто — вещи каждой отдавался, —
Всё называл «мечтой» — во все влюблялся, —
Ко всем бежал — всех поровну любил, —
И каждому — на шею ты кидался, —
И каждого — по своему крестил...

52

Зьюпок в передней — и бежишь, бежишь —
Не уследишь! — открыть скорее двери —
На — отмашь — настежь! криком счастья встретишь,
На шею кинешься — и сам разденешь, —
И в каждом — мелочь каждую заметишь, —
И — выходца из гроба — рассмешишь. —

53

И — все смеёшься, — и шалишь, шалишь —
Порывистый, мечтательный и нежный, —
Весь — золотой! куда то — всё спешишь, —
Топочешь ножками, — и всё безбрежно —
Вокруг — как озеро за ширью снежной, —
А ты — на лыжах по-снегу скользишь!

54

Всегда — бежал, бежал, — догнать нельзя!
По берегу, — наглаженному пеной —
Волны морской, — сам как волна — весь белый, —
В одной рубашечке на голом теле —
И белой шапочке... И — стрекоза,
Резвясь, — с тобою рядом полетела, —

55

А ты бежишь — за бабочкой — вольней, —
Стремительней — и стрекозы летящей, —
Шапчонку сдёрнул и — поймал, как зайца, —
Охотник ловкий! и, — назад — живей...
«Мне — жалко бабочку...» и — отпускаешь,
Поцеловавши — крылышки у ней. —

56

Цветы, сбирая, целовал их в губы,
Грибы, — целуя — прижимал к груди...
Всё целовал!.. Я надеваю шубу, —
А ты её — целуешь, позади
Меня, — тайком прильнув... И — всё, к чему бы
Ты — ни дотронулся, в твоей любви, —

57

В твоей улыбке — тонкой и лукавой, —
Всё становилось милым и живым, —
Случайное казалось — не пустым:
Мышата — с механизмом заводным, —
С испугу, — по полу — стремглав бежали, —
И яйца — с гор — как шалые, — катались...

58

Щеглёнку канарейку прикупил,
Чтобы они — наверно — поженились, —
И всё дружил их, чтобы не бранились, —
И в письмах посылал поклоны им, —
А рыбку золотую окрестил —
«Моим кусочком золота — родным». —

59

Щенка себе слюнявого достал —
И к сердцу, и к губёнкам прижимал:
«Ты, Росенька моя, — мечта моя...»
А я дразнил, что — ничего не стоит —
«Твоя мечта», и даже отказал —
В достойной нежностей — породе псовой;

60

Всё прибегал ко мне — и всё грустил:
«Зачем ты, папа, Росеньку — не любишь?»
И, не добившись от меня любви, —
К своей «мечте», печальный, уходил —
И целовался с нею долго — в губы, —
А утром — снова с ней меня мирил...

61

Всего чудеснее — в снегах ты был, —
И я в снегах тебя — навек запомнил, —
Когда на лыжах шибко ты скользил,
Чуть золотясь под капюшоном чёрным —
Чухной одетый, — по степям раздольным —
Озёр сверкающих — Финляндских зим:

62

Земле тебя я передал — в июне, —
Анютиными глазками — июль
Могилку кротко осветил твою, —
Настурциями — август пышно обнял, —
Но почему же — я тебя люблю —
Б снегах, — особенней — зимою — помню?..

63

На городских квартирах — по полам
Паркетным бегал, словно — по полям, —
Дверей не разбирая — тельцем гибким;
Нырял по оттоманкам — шустрой рыбкой —
Или, подпрыгивая — прытко, прытко:
«Я ангел! я летаю!» — лепетал...

64

Купили мячик. — В потолок бросал,
Покрытый слоем годовалой пыли, —
И, пятипяльцами бойко запятнав, —
Едва рукой до них не доставал:
«Я — бог! я — звёзды делаю!» и — звал
Весь дом смотреть, — как звёзды — засветились...

65

Я всё хотел бы в эту ночь припомнить, —
Но тает — тает золотистый дым...
Под Новый Год тебе я подарил —
На стенку календарик. — Ты решил:
Календарями — целый мир заполнить, —
Всю комнату — все стены, где ты жил —

66

Последний год... И все тебе — дарили,
Кто не придёт, — то новый календарь.
«Алёша, для чего это?» — «Я — царь
Календарей!» — А смерть — уж шелестила, —
За каждым листиком, что отрывал
Ты по утрам, — и каждый — целовал...

67

Предчувствовал ли — смерть свою? Почти
Или — наверно? Все твои мечты
Такие звонкие, как будто к смерти
Неслись порывисто, — как с высоты...
С постельки ночью вскочишь, — черти, черти...
«Алёша, что с тобой?» — «Черты, черты!..» —

68

И — все пытал: воскреснем или нет?
Наверно ли? и — что же с нами будет?
И — почему ж — боятся смерти люди,
Коли — прелестней тот, чем этот свет?
И — как сердился, если бы в ответ
Кто пошутил: «Я не люблю пошуток!»

69

От похорон, при встречах, уводила
Тебя в сторонку няня, зная, как —
Ты к ним тянулся, — словно бы — могильный
Испытывал — заране душу — мрак...
Но разве мы — решились бы, — могли бы
Сказать, что ты — уже в лучах сверкал?

70

Была весна. Мерцало воскресенье —
С прогулки возвращались мы домой;
Навстречу дроги... Словно — в изумленьи, —
И — словно крылышком, — взмахнув рукой:
«Я скоро ведь умру» — и ни одной
В глазёнках ясных — тени, — омраченья!

71

Все совершились тайные приметы
Вьявь — над твоей заведомой судьбой, —
В то знойное — таинственное — лето...
Мы шли по берегу. Вдруг — как шальной —
Откуда то, — уж не с того ли света? —
Пронёсся заяц — чуть не под ногой;

72

Среди купален — заяц!.. Только что —
Испуганный зверюшка в лес умчался, —
Глядим: как на — смех! — прямо под ногой, —
С отвиснувшим крылом — с раскрытым ртом —
Ворона дряхлая дух испускала, —
От жажды задыхаясь. — За водой

73

Со звонким ведерцом ты вниз понёсся, —
Воды набрав — вливал вороне в рот, —
Чуть дышит — и воды уж не берёт.
«Ну, Бог же с ней! пойдём домой, Алёша!»
И Женя тянет за собой, — нейдёт;
Стоит над ней и смотрит, — как приросший...

74

Пошли купаться за-версту, где мельче
Морское дно. На берегу бревно
Валяется. С подстреленным крылом
На нём — ворона! Тот же зрак зловещий!..
Смерть — нагло обступала нас кругом,
И с каждым шагом — всё наглей и резче. —

75

Да — всё наглей! Путём кружным — домой,
Не торопясь, мы молча возвращались, —
Вы оба — грустные, я — сам не свой ;
Ты отставал, тихонько нагибаясь, —
Морские раковинки выгребая...
И вдруг — опять! уж с голой — головой!

76

Меж раковинок розовых твоих —
Какой-то тёмно-жёлтенький кусочек, —
Весь острепький — как клюв вороний... Точно!
Вороний черепок — водой обточен —
Как раковинка скользкий. — С глаз моих —
Долой! Блуждай себе — в волнах морских!..

77

И — бросил в море, — черепок вороний...
(Чудно? Не так ли гоним мы в окно —
Седую муху? двери на запоре —
Наверпяка, не нам ведь суждено!..
А и придёт — когда ещё? — не скоро!...
Знай — не зевай, — и проживёшь — лет сто!)

78

Два дня прошло. Опять с купанья идя —
Уже другой дорожкою — лесной, —
Как клад нашли, — наткнулись: две могилы...
В дни революции латышской — двое
Борцов отважных здесь слегли в покое, —
Подстреленные царскою стрелой...

79

Ты нёс цветы в руках (всегда — с цветами, —
С ромашками своими).. Сам прочёл
Надгробие немецкое, — потом —
Как будто давней грустью отуманен:
«Я положу цветочки им на память», —
Чуть прошептал и — грустный шёл домой.

80

Так! Здесь она — упряталась! в тумане —
О, наглая! — почти сантиментальном, —
А там, — всё — и чувствительней, и злей...
Играй точней! ведь, всё равно — обманешь,
Мелькнёшь соблазнами полусетей, —
Толкнешь — оттянешь — и в силок затянешь!..

81

Был милый день, июльский знойный день —
Ещё не душный — но уже горючий, —
И пленная ещё вздыхала тень,
И пенились ещё под солнцем тучи, —
Жасмин пьянел, — а томная сирень —
Напоминала чей-то сон — певучий.

82

Ты утром познакомился, гуляя
С весёлой девочкой — соседкой с нами —
Твоей же одноле́ткой и кокеткой —
С такими же, как и твои, глазами
И золотисто-русыми кудрями, —
И с именем таким же — как у мамы...

83

Как подружиться, как к себе зазвать?
Туда пойти? немножко стыдно взрослых,
И Женя высмеет — насмешник острый...
Придумал! Взлез на тонкую берёзку
И — песню звонкую стал распевать, —
Не очень громко: могут услыхать! —

84

Не знал, что мы за шторой притаились
И слушали — предсмертную твою
Улыбку... Звуки песни перевились —
С заветным именем... И сны в могиле, —
Но всё — её и слышу, и пою:
«Приди же, Элленька!.. приди!.. приди же!...

85

Был предпоследний день — певучий день —
Пахучий — тающий голубизною. —
Шмель на веранду нашу залетел, —
Ты не давал прогнать его... «Постой же!..»
И всё дотронуться хотел рукою —
И называл «безвинною душою...»

86

Стучался шмель — и бился об стекло,
Как будто бился в воздух головою, —
И выпорхнул! тревожно — золотой,
Довольный волей — волей голубой, —
За той пылающей голубизною, —
Позванивая тонкою струною!..

87

А смерть уже совсем и не таилась —
В глаза смеялась нежно и умильно:
Твоей последней — помнишь ли «мечтой» —
Почти навязчивою, — был будильник!
— Что календарик? Вот — тебе, родной, —
Значок мой: звонкий маятник — могильный! —

88

«Купите мне будильничек! простой, —
Совсем обыкновенненький, такой,
Какой на столике у бабы Лёли!
Ну, что вамъ стоит?..» Ничего не стоит!
Вот — почему и мама, — спешно в город —
Тебя везла, сказав, что я — позволил...

89

В больнице — и просторно, и светло,
Всё по немецки, — чинно и опрятно;
Смотрелось в сад открытое окно,
Впивая знойный воздух — благодатный...
Укутанный — тяжёлой, душной ватой, —
Клеёнкой липкой, — ты лежал и плакал;

90

И — бился головёнкой золотой
О стенки скользкие своей кроватки, —
И смерти, смерти не хотел — треклятой!..
Вошла — вонзилась, — растеклась рекой, —
И напилась таки — воды живой...
Кто — злец — сказал, что имя ада свято?

91

Кто смерть — хвалил? кто ей — сейчас кадит?
Да — будет ад ему за то, — расплатой!..
«Лишь точечка одна — болит — болит...»
«Лишь точечка одна!..» и — дёргал вату...
Не вата ль — душу до-кости томит?
Не вата ли — в рыданьи виновата?

92

Метался — и роптал — и утихал, —
Меня в порыве смертном обнимал,
И целовал, как раньше, — прямо в губы, —
И приникал, всем тельцем приникал, —
Как будто говорил, что любит, — любит...
А я боялся — я не целовал, —

93

Боялся заразиться сам и — Женю
Твоей заразою околдовать,
Как нагло околдован был ты ею, —
И только с краю губ твоих ласкать
Тебя — дерзал!.. Ещё дерзал — шептать
В твоё дыхание — всё, во что верил...

94

И я шептал: «мой мальчик, мы воскреснем —
Наверное, наверное — с тобой!
Мы встретимся! душа — с душой — с душой!
Мы будем жить вдвоём еще телесней, —
Неслыханней, невиданней, прелестней —
Всей прелести, всей прелести — земной!..»

95

И — тише, тише, под рукой,
Моей рукой — вот этой, — этой самой —
Которою сейчас пишу — вдвоём —
С тобой, — всё тише... Мальчик!.. мальчик — мой!..
Алёша — мой, Алёша — золотой!..
О, Господи, — младенца — упокой!..

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ.

...На тот конец, чтобы вселенная
не подверглась разрушению и не
разрешилась опять — в небытие.
Афанасий Великий.

1

Теперь — я знаю! если где-нибудь —
В каких-нибудь пространствах безбережных —
Назначено божественно-утешно —
Недвижимой звезде — ещё блеснуть,
Или — по человечески мятежно —
Блудящей, — в море — вольно утонуть;

2

О, если где-нибудь — вдруг улыбнулась,
Задумалась младенчески — мечта, —
Моя — в ответ ей — радостно качнулась, —
Руками рук — мечтательно коснулась, —
И, к трепетным губам — душой припав, —
В ея лучах вздыхающих — очнулась!..

3

Я знаю: если звёзды любят небо,
А солнце землю — греет и поит —
И — светит травами и — всходит хлебом,
И человек — не только хлебом сыт, —
Я — не погибну, — я рожден — бессмертным;
Меня земля — стремительно стремит! —

4

Я буду находиться — там — во всём, —
И никогда не разолью́сь бескрайно, —
Но — сжатым воздухом, — текучим сном, —
Осуществленною бескрайно тайной, —
Не истомляясь — чередой времен —
И не подвластный — обликам случайным...

5

И будут ангелы — давать мне пить
Дыханье света, ибо я — сиянье, —
И ангелам я буду приносить —
Мое нерастворённое дыханье, —
Чтобы они могли, его вкусив, —
Меня хвалить — за то, что я — их ангел;

6

И будем мы с Алёшей — вместе жить!...
Как — будем жить? Кто знает? Я — не знаю, —
Я — не был там — я не могу решить, —
За истину не выдам я — мечтаний...
Но — как же можно иначе любить? —
Я буду целовать — его желанья, —

7

Его я сердце буду — целовать,
И ничего не стану — отрицать, —
Ни над одной — собачкой не смеяться!..
Он будет — бегать. прыгать, кувыркаться, —
Скользить на лыжах — может быть, летать, —
И в море синем — розовый — купаться!

8

И — это совершенно не смешно,
Как потешались на земле — Ренаны,
Не исступленье жалостных желаний —
Бедняги пьяницы, — кому вино —
Приличное, увы! не по карману —
Так он — из золотого пьет стакана —

9

Снвуху мёртвую — в мечтах... Но — благость
Мне ангела — из рая привела, —
Сама — чуть слышно в дверь мою вошла, —
Вошла и села — материнскн рядомъ, —
И материнскн — подала отраду —
Вина бывалого — печаль, печаль!

10

Я раз'ясню тебе мою печаль,
Мой будущий — неласковый читатель, —
Против меня предубежденный! Сладким
И — слабым ты вино моё назвал...
Будь же внимателен: ты обещал
Сегодня кое в чем — «поразобраться».

11

Я не умею иначе писать —
Чем написалось... Вот, точь точь — как почерк!
Беда моя, — ужасно неразборчив:
Ни букв — ни слов, — сплошное многоточье...
Но — ты сосредоточься: помолчать
Себя принудь, — а я себя, — быть точным! —

12

Что значит — точность? — Числа. — Если есть
Мышленье, мыслить — значит числить. Здесь
Не численная утаилась тайна —
За мыслимым — немысленное знанье, —
Кровь бытия... Земля?.. Вода?.. Дыханье?..
Мечтательное — жизни, — смерти — пламя?..

13

Предчаяние рая есть во всём —
Под обаянием болящей твари.
Рай утверждается — чем? бытиём.
Рай извлекается, — вглядись — в своё!
Рай иссекается — крутым кремнём, —
Рука дрожащая — да не устанет!

14

Есть рая — запах! музыка — всего:
Мечтательный — он о́крест нас мерцает, —
Но в слух, его внимающий, — вникает, —
Чуть шевельнет — и чётко улетает, —
И в музыке ты емлешь — вещество
Вещей, — действительное естество!

15

И слово плоть! Оно стремит — огонь, —
Но есть особая — в словесном пеньи
Мечтательность: ты слово с краю тронь, —
И музыка — на дне, но исторженья —
Отдельного, — иного изумленья...
Ты различишь его всегда — в раденьях. —

16

Европа мыслит в числах. Только числя,
В неисчисленнейший восходит рай,
Огонь — в нечисленном отвергнув — смысле, —
И — сталось так, что колебанья мысли
Она сочла — за вещество: игра
Огня — ей кровью пламени — примнилась

17

Так: получувственно — не отличая
Премудрости от знанья, — полузная, —
Из Азии, где первый отсвет рая —
Едва учуяв, — брошена в изгнанье, —
И — в нём блуждая — глухо вспоминает,
Что нечто — было! — что? — не понимая...

18

Есть книги мудрости. Есть книга книг —
Бытийственных изборник провещаний...
Но я уже тобой не понят! Миг
Ещё, — и ты мою — уронишь нить, —
Но я хочу, чтоб и — малейший стих
Моих звучаний, — вник в твоё сознанье...

19

Ты мыслишь свет. Чего-то — колебанье?
Чего? колеблем — кем? и кто — исчёл?
Никто, ни — в чём! Ни — утучнённый вол,
Ни — лев, на солнце лая, — ни — осёл,
Чужую ношу тянущий упрямо, —
Ни — жаворонок лёгкий, ни — орёл,

20

Гонимый грузно в высь, — ни — рыба — кит, —
Ни — хлипкая рыбёшка в жидких недрах, —
Ни — червь, — ни бабочка, — ни — троглодит, —
Ни — василиск, — ни — облака, — ни — ветры, —
Дух человеческий! — не разрешит —
Колышимого колыханья — света...

21

И что есть дух? Не — кровь? не — плоть? не — вещь?
Вот — он! — спросил, — а я — его! услышал. —
Кто мне — ответствовал? Дышу. — Кто дышит?
Свет или — я? Кто смел всему — зажечь:
Мерцанье — блеск — звучанье? — выше — ниже —
Внутри — во мне?.. Порядок?.. хаос?.. вечность?..

22

Дрова, в вещественную бросив печь, —
Кто — растоплял, и — домы — духом греет?
Не зори-ль — в тучах, — засветло алеют?
И — солнца, — в синих высях голубеют, —
И человеческие души — тлеют, —
Как угли — рдея иссиня — в золе?

23

А печь — гудит, разбрасывая искры,
А дым — бежит — струится и — клубится, —
А — искры прыгают, — резвясь иль — злясь, —
Что печь их выбросила, не спросясь...
Кем — вызволены? испытай! — как раз
Спиронизируют: «не трубочист ли?..»

24

Кто — остальных и злее и дурее, —
Сморозят, что — и ведьма им не мать, —
И — гаснут — исподволь, — крутясь — чернея, —
К земле клонясь, где им и — пролежать,
Под знойной пылью и дождями тлея, —
Покамест — вихрь их гневный не развеет!..

25

А вихрь? а дым?.. О — «вервие простое!»
Старик был прав, — об истине-ль гадать?
«Всё может быть» — как пел бывалый воин
Крестовой братьи — и крестовый тать:
Что ж? «Grand peut-être» — «трубочиста» стоит
Парижской благодати-ль не под стать?

26

О, мир созвучий!.. Рифму, — рифму — к Нитцше!
Какая ж свище — в этой шибкой притче,
Чем некто — в Мюнхене гуляя: «прытче» —
Пришпилил, — шут!.. «Дух — провонял давно...»
А нам то — мнилось, — угонись, — поди ж ты:
«Европа дряхлая — как труп — гниёт!»

27

Орать? доказывать? ломиться в двери, —
Захлопнуты ли, нет ли, — всё равно?
Не печка ль там пылает — так светло,
Не лампа ли сияет — так тепло?
Живут ли люди — пошляки иль звери?
Кто — и во что — и почему — не верит?

28

Уж не пишу ль я просто для себя, —
Сверкну ли рифмою, сорвусь — в беззвучье?
Чему созвучна — суть вещей? отзвучна-ль?..
Взведен курок...—Быть иль не быть?..—Что ж лучше—
Сиянье ли, — ничтожество?.. Кто — свят?..
Кому — в церквах колокола — звонят?

29

Ведь, кто-то благовесту детски рад —
И свято молится — и славит Бога, —
Кому то — надобен волшебный лад:
Стихов — то бешенных, то странно — строгих, —
Поэт — услышан миром, — братом брат, —
И кто-то — вышел встретить на дорогу —

30

И обнял, старого, целуя — брата,
Заждавшись много одичалых лет, —
И — правды имя — наконец то свято, —
И — зла — как не было, — и Бог — есть свет, —
И — сломя голову, — бежал — проклятый...
И — в одиночестве — спасенья нет!..

31

Да, — Бог есть свет!.. Тот самый — благодатный, —
Жар птица — с пламенной стрелой в руках, —
Во всех — играющих морям — лучах, —
И благостный — в домашних очагах:
Как камень ал — в сердцах людских загадан,
В историях всемирных не разгадан...

32

Ах, все ли я ещё — как туча тёмен, —
Как влага мутная во облаках?
Ещё ли — сжат и — сух и — отвлечённен, —
Или, напротив, — разлился в словах —
Непозволительно — мокро, — нескромно
Тревожа — тления достойный — прах?

33

Не постесняюсь! — есть уголок укромный —
Для беззаботной пошлости людской:
«Историк» — как лет за-сто — «меланхолик», —
Карамзина отшлёпал Шаховской...
Ударь — похлёще! «Графоман!..» — Родной!
Достоин ли я — почести такой?

34

— Неудержимейшая страстность — слова? —
В пеленках лёжа, — плакал и мечтал —
Словесности отдаться жаркой кровью, —
Мне кажется, что — даже и чужое
Я — стал читать, чтоб душу уготовить, —
Чтобы упорнее — мой стих, — звучал!

35

Зачем звучать? — Затем, чтоб свет стал — явен...
Созвучьями? — Чтоб пламенел поток...
И образы? — Чтоб ярок был покров —
Над обнажённою моей печалью...
Нет, — не наложницею, — но женой —
Моя печаль — мне втайне отдавалась!..

36

Сегодня — ночь шагает по камням —
Почти бесслышная... Автомобили —
Не часто — набегают на дома,
Щадя мечты людские, — и могилы —
Перекликаются едва — едва, —
Издалека вздыхая... Их слова

37

Темны, — и только — чутко вспоминаю,
Что со Смоленскаго, быть может, — к Лавре —
И тянется сегодня — тень одна,
Бессонницей гнетомая, — а там
И к Митрофаньевскому направляет —
Стопы усталые, — пока трамвай —

38

Ещё не ожили и — не бренчат
По воздуху морозному, — но спят —
Как совы — в парках... Две свечи горят
Передо мною, — наклонясь — к покою, —
Алеша — мирно дремлет под землёю —
Недвижный... Я — один с самим собою...

39

За окнами — за стеклами двойными, —
Передвигаются сторожевые —
Почные души... Я одну лишь вижу:
Веревкой руки связаны, в стальных
Глазах не отмерцавших: вековых
Наследий — истомлённая стихия...

40

Ты — истощился юношеским криком,
И — истощённая — запла душа —
В мое бессилие... Ты отдышал, —
Ко мне клонившийся, меня любивший —
Темней, чем я тебя, — и на руках
Моих — нечувственных, — один повисший!..

41

Да!.. Всё погибло... В гибелях от века —
И во веки всесильные веков —
Истаевало сердце человека,
Как некий воск — пред блеском образов, —
А вкруг шумел — парад веков вселенский,
Вой и галдёж — бесовских голосов...

42

Все — изменяя, — щедро изменило,
И — соблазняя, — скупо соблазнило;
И — женский яд — не стоит красных слов, —
Которыми — целуем мы, — краев
Манящей чаши — и неутолимой —
Касаясь, — на черте — земли и дыма;

43

И — мы дыханье — не живое пьём, —
Коварную неогненную властность —
Влекущую упасть на дно не страстно;
И — трезвой влагой — чувственность пьяна;
И — сжатой влаги желтого вина
Мы никогда — не достаем до дна;

44

И — дети никнут, вспыхнув, — до рожденья —
В разлитой жидкости мужских семян,
И — в материнской утробе, — исторженьем
Плода рукой враждебной, — и от язв,
В ночи порхающих, — от пуль, — от ран, —
От колотушек, — от того, — что пьян —

45

Отец опять был — в это воскресенье...
И — девушек весеннего цветенья,
И девочек едва от колыбели,
И жён — подвольных мужнему решенью, —
Насилует мерзавец хулиган...
И — обирают — нищенский карман, —

46

И — покупают на продажах — тело,
Распределяя веско меж собой;
И режутся из за одной постели —
Кому достанется — на миг ночной; —
И — волочатся за чужой женой, —
И — жертвуют за женщину мечтой;

47

И — вешают — на взмыленных верёвках, —
Борцов, — за то, что — страстны и честны;
И — подлецам житьё, — и — жить неловко —
Тому, кто верит иначе, чем — вы, —
Тесня рабов — и вызволяя войны...
И — все мы вместе взятые — черны, —

48

Как — головни!.. Все это — есть и — было, —
А — будет ли?.. Не мыслю, — не приму —
Такого омерзительного мира, —
И раньше времени — усну, умру, —
Но — не пойду, — не разделю на пире —
Ни рюмки! — с тем, кто — праведных теснит...

49

И — смерти нет! — Как — сути, как — явленья, —
Как крови божеской... Она не зло,
Но — райской плоти в мире, — исступленье —
Перед неправедным мирским томленьем —
Нет смерти — в облике... Скелет? Число?..
Воскреснет — кость?.. Лишь очерк — исчисленья?..

50

Она — лишь числа дряхлые слагает
Смекалкой немудрёной торгаша,
Который дебет с кредит — подчисляет, —
Когда уже остался — без гроша,
Она — воображает, что — решает, —
Там, где уснула — до-кости душа;

51

И, если — хищным пламенем дыша —
Нам чудится! — она — отсель нас хитит, —
Как думают, — как думал, я грешна —
Пред страстностью своей, — не в силах вынить —
Вина, врученного мне гневно свыше —
(Расчислить страстно — пламенные числа), —

52

Мы обольщаемся — не ею!.. Смерти — нет, —
Но мир лежит во зле! И вот — ответ
На ужасы всего: Оно — живое:
Оно с тех пор, как сталось, выло, воет —
И будет выть — и злиться мёртвой волей, —
На пламенеющий рыкая — Свет!..

53

Не — пламя!.. Пламя — Бог!.. Огонь — огонь!..
Огонь — растленья — и огонь — истленья, —
Чтобы прогоркло человечье тленье!
Оно — не всемогуще, — но — вольно
Насильничать, грабительствовать, резать —
Жечь, — властвует доколе в мире — мерзость!

54

Дотоле — смерть — как бы вольна, — властна —
Злом вынуждаемая — миром править,
Сама себя уж тем мертвецки славя, —
Что Злу в угоду — шулерски счисляет,
Что — Духа нет, — и этим упраздняет
Вселенную, что Духом воззжена, —

55

Как влага — светом... Мы живём в обмане —
По курсам злости, веруя, что свет
Есть излучение седых планет,
Что есть — испарина, а — плоти нет, —
Что «дух воняет», но что «Grand peut être» --
Сияньями мирскими управляет —

56

Всё это злая болтовня (Секрет —
Детишки, ре́звясь, утаят от няни, —
А няня знает всё — уже заране)...
Не будь же недорослем!.. Пистолет,
Который чувственно нас искушает, —
Брось за окошко!.. Смерти в Духе нет, —

57

Но мир — во Зле... Я напеваю — привет
Тебе — из книги пламенных сказаний:
Его поведал мне бывалый дед —
И книгочий, и умудрённый странник, —
И — не поверили: сказали — бред....
Родился мальчик: Мальчик тот был — Свет!

58

И в ту же ночь над миром воссияла —
Звезда необычайнейших лучей
Она смутила всех мирских царей, —
Она им — прямо в сердце — засверкала, —
И мудрецов — и всяческих людей, —
Всех изумила — и к себе сзывала. —

59

И шли — взглянуть — повыспросить — приветить, —
Увериться, что могут быть лучи —
Такого изумительного света
И — не прожечь всего, что спит в ночи, —
Мрак — не смесить с огнем — до тла — до пепла, —
И — ей кому ж назначено, — светить?

60

Какому страстному царю — мирскому?
Какой земли — ея достоит — царь?
В каких прославленный народах — воин?
Или в отмену — всяческих законов,
Дсселе вящих, — настаёт — иное
Достоинство — не править, а — сиять?

61

И трое мудрых — в наступленье утра —
Вошли к царю и спрашивали: — где?
Мы шли по изумительной звезде!
Где явлен — Новорожденный земле —
Царевич Божий — от Светóв премудрых —
Отца и — Сына и — Святого Духа?

62

И царь — тревожимый — собрал народных
Водителей и книжных мудрецов
И — храма Соломонова жрецов, —
И неотступно вопрошал: где должен —
Помазанный сияньем Трех Светов —
Родиться, — Света Сын Единородный?

63

И — утомлённые в тенях веков,
И — искушённые в предзнаньях снов, —
По знакам хартий — по следам шагов —
По обликам изустных голосов —
В дымах каждений — в жертвенных куреньях, —
Гласили: — в Иудейском Вифлееме! —

64

Но царь, — безудержный сжимая страх —
Бессонницей — в бессоннейших ночах, —
К утру пудил троих: Вы рассудите, —
Обстованных ли нам — ждать — событий?
Мне кровь сжигает этот жгучий знак,
Испепелить способный — светом мрак!

65

И, — в царской ревности — и злобой хитрой,
Уже младенческой души взыскав, —
Но в Вифлеем еще волхвов — послав, —
Сказал: Идите же — и там решите, —
Во истину ли оный час настал —
Нам Предназначенному поклониться?

66

Пошли, — и вот — восточная звезда,
Им предводительствуя, — перед ними —
Играя — шла, и вдруг остановилась —
Над хлевом — над соломенною крышей, —
И, солнечнее солнца заблистав, —
Руками повивая, — восхитилась...

67

И, — схваченные сном необычайным,
Вступили в хлев — дивуясь и томясь, —
И — увидали: явственно лучась, —
В коровьих яслях — в пеленах свивальных —
Предпреченное Дитя лежало —
То самое! зачатое — в Светáх. —

68

А около — в лучах едва мерцая, —
Но вся прозрачная — как и Дитя, —
Девические взоры опустя, —
Стояла Мать. Так, — над водой грустят —
Туманы месяца — в начале мая, —
Еще легко — о рае вспоминая...

69

И, — упоённые желанным знаньем,
Перед Премудростью в Ея сиянья, —
Пред Светом Трех Светов — в одном дыханьи, —
Упали мудрые — в очарованьи, —
И кланялись, и почитали прах —
Прах человеческий — и несказанный!

70

И, — знаменуя — пламенное Знанье,
Сложили — все к ногам Его — дары:
И — золото — перед — Царём Мирским,
И — ладан — сладостный пред Богом дым,
И — смирны горькой масть — перед страстным
Его помазаньем, — да страсть прославит!

71

Еще дары у ног Его — курились, —
Открылась дверь, — и двое пастухов —
В сопутствии двух ангелов — вступили
И, — увидав и Сына и — Покров
Ея над Ним, — слегка — почти не близясь, —
К Ея ногам, говея — преклонились...

72

Но — злобный — гневался — чертог — царёв, —
И палачей погнал в Израиль — Ирод:
Всё без из'ятия, — от двух годов —
Младенчество, — в ему подвластном мире —
Незамедлительнейше истребить, —
Всё вырезать, — от двух годов — и ниже!

73

Тогда-то, — вновь Иосифу открылось:
Заботный ангел (что посылан был,
Когда в Марииной утробе билось —
Дитя от Светосемени) — «Бегите!..»
Воззвал: «Младенец взыскан... Утаите —
До времени, — доколь скажу, — в Египте. —

74

Осии снилось: вам спешить... Оттуда —
Явленье Сына!..» И — собравши скарб
Свивальный — наспех, взвьючивши верблюда, —
Бежали — чаючи за чудом чудо:
Верблюд был дряхл — едва переступал, —
Но — с каждым шагом — шаг свой, — ускорял...

75

А — гневы царские, — ножи сточили:
Четырнадцать ли тысяч — иступили, —
Или — считать устали, — сами были?
Сбылось реченное — Иеремией:
До Рамы, — слышали, как голосила —
Рахиль, бившись из под могильной пыли...

76

Так, — был царёвыми ножами — встречен,
Так палачёвой баней был — привечен, —
Свет Трех Светов, что — Вечностью завечен,
Знать, — вражьей воле стало — не с руки,
Что тайны вековые — глубоки, —
Что есть призыв — премирнейшей тоски!

77

И волхвованье дарственно склонилось,
И простосердие пред'умилилось,
Праматерь — надрываясь — взголосилась, —
Власть государственная — отменила, —
Отвергла смысл таинственных глубин:
Ей — Человеческий противен Сын. —

78

Да!.. если бы Премирная Забота —
Его в Египет в ночь не увлекла, —
Его бы Азия — не предала, —
Его бы — не ославила Европа!..
Да, — света нет! Да, — никогда — из гробов
Не встанут светотканные тела!

79

Пусть стынет лед, — Кровь не нужна Завета, —
Единственная Слава — не нужна, —
Рай — не потребен! Над всемирным склепом
Пусть кажет мёртвое лицо луна, —
Пыланье солнечное — сменит тьма, —
И звёзды черные — поглотит бездна!..

80

Пусть вороньё подохнет в свой черёд,
Перетрудив и собственную падаль, —
И — в бурный города придут упадок —
И — в вихревой впадут ветроворот, —
И — взвоют воды — талой воле рады,
Покамест — в крайний не сплотятся лёд!

81

И — станет лёд!.. Чтобы ледоворот —
В безобразный бы впал — вихречерёд...
И, — в идиотском закрутившись танце, —
Круна развергнется — дробясь — в пространстве, —
Пока — какой нибудь гулявый чорт —
От делать-нечего, — всё — не сожрёт!

82

Так, вот она, — безбрежная мечта —
Научной трезвенности — правды здравой...
Или — пьянчужной хитрости — лукавой?..
Улыбка роковая — мертвеца?
Или и — впрямь, — нам просвещенье — в язву?...
Эмблема человечья — слепота?

83

Всемирная стихия — темнота?
Достоинство — не слух, — а — глухота?
Кому же утаилась — глубота? —
В глаза глядится — света лепота?
Над головой — простёрлась высота? —
Вселенная — целуется в уста? —

84

Я мыслю так (пускай — инако мыслит
Тот, кто хитрей, — уж верно — не спроста...)
Да, друг культуры!.. мыслить значит — числить;
Я без заззренья — числю, — как простак, —
Наученный с'измальства, что четыре —
Не менее, чем — честных дважды два:

85

Не возносясь — и не гонясь, — ни выше,
Ни ниже, — чем — в продольных временах, —
Пространством — в установленных словах, —
Под голубеющею — свыше — крышей, —
И на зелёных, — на земных полах —
Гуляючи, — приемля плоть — как прах, —

86

Решаю так — мудрец я иль простак —
(Один с другим каким то краем сходствен):
Есть — здание, так — стало быть — есть Зодчий, —
А Зодчему, — по малой мере — родствен
План — здания; Его рассчёт и страх, —
Страх — творческий, — как предразмыслить брёвна —

87

Фундамент и цемент... Он, словом, строил, —
А выстроиться сам — не то, что храм, —
Сарай не мог бы — выдуматься сам.
Вот доказательство: оно простое
И — древнее... Его же отверг сам Кант, —
Так верно же чего нибудь — да стоит!

88

Ведь Кант пришелся папенькой — Ренану...
Был немец щуплый, — хоть солидным слыл —
Зато, что в Кенигсберге отлучил —
Сияние от Духа, — предложив:
Взамен Христа, — почтить — Императив
Категорический: вот так — Осанна!

89

Не так то — прост... Вместо того, чтоб — в кирку
С молитвенником, — по воскресным дням —
Честь честью, — вишь какую заковырку —
Загнул!.. Ну, шут же — с ними! Что — Ренан,
Что — Кант, — один, как молвится, — роман:
Достолюбезнейший наш мистер Пиквик!..

90

Почийте пухом, пухлые гроба, —
Всесветных восхищений захолустья!
Я юношеской помяну вас грустью:
Сочувствия сменялись и года, —
Но — мистер Пиквик, — верьте: никогда —
Не обращал я — к Вам моих сочувствий!

91

Я — в Индии готов был потерять,
Чтобы — найти, свою — исхитив душу, —
Не знал я басни — ваших басен суше:
Безблагостна мне ваша — благодать...
Европа, — если ты была мне — мать, —
Я — непочтительный твой сын! ослушник!

92

Мне — дикенсовых басен не читать, —
Хоть — и бывает: надо б — ране встать, —
Бессоница — не легкая исторья:
В глаза смотреться ночи вероломной
И — в них читать своё — за горем горе, —
И лампу — раз по двадцать — зажигать...

93

Лишь одинокие твои умы, —
Списатели — сказители, — волхвы —
Вверительно — в отмену древней тьмы,
Ветшающей вокруг твоей тюрьмы, —
Ответствовали — трепетаньем Света,
Колеблемого между двух заветов. —

94

Я верую, — ты раю — спасена, —
Твоими праведными — решена
Судьба твоя: пребыть до воскресенья, —
Когда — за них — ты будешь взнесена;
Твоих волхвов — пред Тайной поклоненьем,
И пастухов — пред Таинством говеньем!

95

Тебе зачтется истовость твоих
Мечтателей, — да оживут полотна, —
Да отразится несказанный Лик —
Неописуемый возникнет миг, —
И — отразился, — ожили, возник, —
Светожеланной Матери — заботой!

96

Валы органные торжествовали,
И высилась под своды тишина, —
Молитву грешную уста шептали...
И — Деву памятуя — посвящали
Стихи прекрасной — и коварной даме, —
Но имени — Ея! и, — прощена —

97

Ты: и — в кощунстве — утреннего сердца, —
И — в каждом простодушии усердном, —
И — в каждой поступи, над коей — крест
Был поднят, и — в походах тех потешных, —
Где меч стал крест, и — в тех вечерних жертвах, —
Чистосердечных и всегда — безвестных...

98

Но — тот, — кто Иродовой льстимый лестью, —
Свет извратил — костром или мечом, —
Тот будет — сброшен, — измельчён — огнём:
Суди его — Сверканье!.. Кто ж — умом
Лядащим, — Деве оказал — бесчестье, —
Тот — бездне присягал и — звал беззвездье!..

Duke University Libraries
D01279005O

D01279005O
DUKE-LSC